
ПОСЛѢ ССЫЛКИ

Личныя воспоминанія и замѣтки

1872—1906 гг.

I.—Верхнеуральскъ и Уфа.

Мои странствованія послѣ ссылки въ Сибирь ¹⁾ начались съ Оренбургской губерніи, куда я прибылъ, прямо изъ Иркутска, во второй половинѣ 1872 года, и поселился въ городѣ Верхнеуральскѣ, назначенномъ мнѣ мѣстопробываніемъ; съ него я и начну мои воспоминанія.

При выѣздѣ моемъ изъ Иркутска, всѣ мои права состоянія были мнѣ возвращены, и въ выданномъ мнѣ тамъ документѣ я значился *бывшимъ* государственнымъ преступникомъ, потомственнымъ дворяниномъ, а въ екатеринбургскомъ казначействѣ, при выдачѣ подорожной, слово „бывшему“ пропустили, такъ что я далѣе прослѣдовалъ подъ весьма необычнымъ наименованіемъ. Верхнеуральскъ предсталъ предо мною весьма жалкимъ, съ его разбросанными, низенькими, почти сплошь одноэтажными домами, крытыми драньемъ, а самъ городъ—безъ деревца кругомъ на тридцать верстъ. Постройки дрянныя, изъ тонкихъ, кривыхъ бревенъ, которыя на зиму обмазываютъ глиной и бѣлятъ, а по низу заваливаютъ навозомъ. Двойныя рамы не вездѣ; а кое-гдѣ вмѣсто стекла тряпье или подушка. Много плетня. Улица сбивается на пустырь: грязь и пустопорожнія выгонныя пространства. Много гусей и утокъ; не въ диковину свиньи. Ребятишки у домовъ нищіе, оборванные, безобразные. Уралъ въ плоскихъ берегахъ

¹⁾ О ссылкѣ автора въ Сибирь была помѣщена имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статья подъ заглавіемъ: „Изъ пережитого“ (см. 1907 г., май, 122; іюнь, 565).

не шире нашей Волги подъ Ржевомъ; удобный для купанья. Впослѣдствіи, мнѣ не разъ приходилось слышать замѣчанія о сравнительной дикости, убожествѣ обѣднѣвшихъ, обойденныхъ жизнью казачьихъ поселеній, сравнительно съ русскими, и собственнымъ опытомъ я извѣдалъ, какъ много меньше въ нихъ достатка и сытости—сравнительно съ Сибирью. Пришлось съ этимъ ознакомиться съ перваго же шага. Я не захотѣлъ остановиться въ гостинницѣ, и ямщикъ привезъ меня къ почтенному уряднику, который очень заинтересовался моей фамиліей, потому что помнилъ бывшаго генераль-губернатора, дядюшку Владиміра Аванасевича. Не сомнѣваюсь, что онъ желалъ меня угостить, а между тѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ домой значитъ, что я съ содроганіемъ вспоминаю подавную мнѣ тогда тарелку помоевъ съ запахомъ баранины и рубленое мясо, плавающее въ маслѣ.

На слѣдующее утро я явился къ исправнику, Ник. Петр. Куроѣдову. Увидалъ сухощаваго, темноволосаго мужчину, въ формѣ, не безъ джентльменскаго пошиба, соотвѣтствующаго его дворянскому происхожденію изъ Аксаковскихъ странъ, точнѣе изъ Бугурусланскаго уѣзда. Поминаю его добромъ; и когда впослѣдствіи вступилъ въ сношенія съ обывателями, то не слышалъ о немъ дурного. Напротивъ, сожалѣли, что онъ, по всей вѣроятности, вскорѣ получитъ другое назначеніе, такъ какъ исправничаетъ уже восемь лѣтъ. Онъ мнѣ отдалъ визитъ мѣсяца черезъ два слишкомъ, ссылаясь на разъѣзды. Отъ его дома потомъ и пошли знакомства съ обывателями. А первое время я провелъ въ абсолютномъ одиночествѣ, такъ что я даже сталъ тревожиться, не повредитъ ли мнѣ такая отчужденность въ мнѣніи начальства и не слѣдуетъ ли переговорить по этому предмету съ исправникомъ.

Но сначала одиночество было мнѣ очень кстати. При водвореніи въ Верхнеуральскѣ во мнѣ зароились заносчивыя мечты. Я вообразилъ, что слѣдуетъ немедленно предпринять что-нибудь рѣшительное для ускоренія моего возврата въ семью, и я напалъ на мысль, что мнѣ всего легче найти заступниковъ въ военномъ вѣдомствѣ, въ штабѣ, къ которому я когда-то принадлежалъ, и что если мнѣ удастся доказать свою пригодность къ хорошей штабной работѣ, то это можетъ сразу поправить мои дѣла. Подъ вліяніемъ этой мечты, я надумался написать военному министру, Д. А. Милютину, докладную записку о подготавливавшейся въ то время (1872) военной реформѣ. Несмотря на тринадцатилѣтнюю отрѣшенность отъ военнаго міра и отсут-

ствіе пособій и справочныхъ книгъ, я успѣлъ составить эту записку съ небольшимъ въ двѣ недѣли. Подстраничная выноска доказывала, что я не обольщался насчетъ вѣроятности въ моей работѣ многихъ недочетовъ и промаховъ; но я и теперь полагаю, что человѣка, способнаго составить, въ данныхъ обстоятельствахъ, такую записку, слѣдовало выручить. Мнѣ неизвѣстно, видѣлъ ли ее военный министръ—склоненъ думать, что нѣтъ;—не знаю также, кѣмъ была рѣшена ея участь.

Я не оставался празднымъ и дальнѣйшее время моего пребыванія въ Верхнеуральскѣ. Благодаря самоотверженнымъ стараніямъ сестры, мнѣ удалось получить два или три заказныхъ перевода, и на собственный страхъ я рѣшился перевести довольно большую вещь, не менѣе десяти журнальныхъ листовъ. Въ письмѣ отъ 15-го марта 1873 г.—торжествующее восклицаніе: „Кончилъ переводъ! рублей на 200, если примутъ“. Увы, не приняли! Кромѣ того, меня, повидимому, привлекли къ работѣ въ канцеляріи исправника. Ни разговора объ этомъ, ни полученія какихъ-либо денегъ рѣшительно не припомню; но въ письмахъ попадаются такія выраженія: „Сію минуту пришла лошадь отъ исправника; вѣрно, какое-нибудь дѣло на почту—надо бѣжать—онъ сегодня уѣзжаетъ (8 янв. 73)“. Или 1 февр.: „Только два слова, изъ квартиры Ник. Петр., куда былъ приглашенъ для окончанія разныхъ дѣлъ къ почтѣ“. И ясно сохранилось у меня въ памяти, что я дѣлалъ выборки изъ недоимочныхъ вѣдомостей и при этомъ поразился большими недоимками за А. Е. Тимашевымъ, что для меня было интересно не по служебной его дѣятельности, а потому что напомнило былые дни, когда Н. А. Пушкина-Дубельтъ появлялась въ одной ложѣ съ мадамъ Тимашевой на бенефисныхъ спектакляхъ Михайловскаго театра. Вотъ куда способна донестись, и въ какихъ формахъ сказаться, сила женскаго очарованія.

Еслибы расчетъ за журнальныя работы производился тутъ же, и еслибы не оставалось за мной иркутскихъ долговъ, то заработаннаго мною въ Верхнеуральскѣ было бы, конечно, достаточно для моей скромной тамошней жизни, такъ какъ мѣсячные мои расходы не превосходили двадцати-пяти рублей. Но впредь до не-скорохъ получекъ необходимо было имѣть деньги, и нельзя было ихъ заработать въ городѣ, гдѣ вся письменность ограничивалась лавочными каракулями. Поэтому мои письма оттуда почти сплошь являются просительными. То деньги, то вещи, то выписка книгъ, журналовъ и газетъ, но непремѣнно, въ каждомъ письмѣ, просьба и расходъ. А когда не прямо

деньги, то требовались хлопоты, добываніе работы, ходатайства. И вслѣдствіе гораздо меньшаго разстоянія такія письма сдѣлались еженедѣльными, подробными, шутливыми. На меня они производятъ теперь впечатлѣніе угнетающее, мучительное. Мнѣ стыдно за то ослѣпленіе себялюбія, которое не позволило мнѣ понять, какое впечатлѣніе эти внезапно участвовавшія письма, съ неизмѣнною сущностью клянченія, должны были производить на людей, утомленныхъ десятилѣтнимъ оказаніемъ помощи, при постоянныхъ собственныхъ недохваткахъ и нуждѣ. Конечно, я былъ увѣренъ въ ихъ любви, рвался къ нимъ, вполне надѣялся доставить имъ, по своему освобожденію, всякія блага: покой, довольство, счастье, и увѣрялъ ихъ въ этомъ. Но люди, стоявшіе ближе къ дѣйствительной жизни, не могли не видѣть, что все это вздоръ, и эти ребяческія выходки, конечно, только укрѣпляли въ нихъ убѣжденіе въ жалкой моей непригодности. Желаніе снова увидѣть меня подъ родительскимъ кровомъ неизбѣжно должно было осложниться грустными и озабоченными думами. Въ слабое оправданіе себя скажу, что истинное положеніе вещей въ домѣ отъ меня, по добротѣ сердечной, до послѣдней минуты скрывали; такъ что я все представлялъ себѣ въ ложномъ свѣтѣ. Привыкнувъ быть въ молодые годы опорой дома, я продолжалъ воображать, что для водворенія моего въ немъ никакія жертвы не тяжелы. Мнѣ въ голову не приходило, что я постепенно довелъ себя въ глазахъ моихъ ближайшихъ до того, что сталъ имъ казаться одною изъ тѣхъ личностей, отъ которыхъ не лишнее припрятывать что поцѣниѣ.

Все это мнѣ стало мучительно яснымъ въ первые же дни по возвращеніи домой. Тяжелы были грѣхи мои; но и наказаніе меня постигло тяжкое. Я вдругъ почувствовалъ, что у меня отняли домъ, что я въ немъ сталъ чужимъ человекомъ, котораго остерегаются. Оставалось бѣжать, что я вскорѣ и сдѣлалъ, и до послѣдняго прощальнаго свиданія уже не появлялся въ домѣ. Не совсѣмъ у мѣста я объ этомъ здѣсь распространился, но гдѣ-нибудь сказать надо; а связывать эти тяжелыя признанія съ памятью о послѣднемъ прощаніи съ домомъ я не хочу. Тогда грѣхи уже были искуплены, и я вправѣ ничѣмъ не нарушать чистоты тѣхъ воспоминаній.

Обычный порядокъ моего пустынножительства былъ въ Верхнеуральскѣ нарушенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что прогулки въ значительной степени сократились. Онѣ были слишкомъ безотрадны. Ничего, кромѣ гладкой степи, запѣванія вѣтра въ изгородахъ на выѣздѣ, потомъ жалкій, до крайности бѣдный переселенческій

поселокъ, навѣвавшій самыя тоскливыя мысли. Изрѣдка попадались навстрѣчу башкиры, въ синемъ рубищѣ, съ жалкимъ возомъ дрянныхъ кривыхъ дровъ, или шедшія отыскивать въ городѣ какую-нибудь работу около дворовъ, которая большею частью справляется тамъ ими. Работаютъ они, конечно, дурно, но цѣну имъ даютъ самую недостаточную и обсчитываютъ ихъ нагло. Интересъ къ прогулкѣ я временно почувствовалъ лишь тогда, когда стали прокладывать телеграфъ и получилась возможность слѣдить за успѣхомъ работъ.

Въ кругъ верхнеуральскаго общества я сталъ входить съ осени, начавъ съ дома исправника, уже извѣстнаго читателю. Его жена, Анна Петровна, изъ хорошей екатеринбургской купеческой семьи, была несомнѣнно первая въ городѣ дама, какъ по положенію, такъ и по разговору: блондинка, пріятной наружности, воспитанная, нѣсколько чинная. Въ мѣстномъ обществѣ она считалась предводительницей партіи Бѣлой розы; а Красной розой была жена акцизнаго чиновника, безспорно хорошенькая брюнетка, у которой въ рабскомъ подчиненіи находился мировой посредникъ, старый, сѣвшій на ноги отставной кавалеристъ, нѣмецъ.

Для меня пріятнѣйшимъ домомъ былъ домъ доктора Г., молодого человѣка лѣтъ тридцати, нѣмца по фамиліи, практичности, аккуратности, хозяйственности, но во всемъ остальномъ чисто русскаго и женатаго на очень милой русской молодой особѣ, носившей еще—по крайней мѣрѣ у себя дома—прическу въ двѣ косы. Онъ самъ выстроилъ себѣ красивый домикъ на каменномъ фундаментѣ, съ желѣзной крышей, солиднымъ подъѣздомъ и дубовыми рамами въ окнахъ, съ изразцовыми герметическими печами. Все въ домѣ было чисто и уютно, и закуска подавалась аппетитная. Мнѣ бы всего пріятнѣе было ходить почаще туда, тѣмъ болѣе, что хозяева относились ко мнѣ дружелюбно; но очень скоро пришлось почувствовать жало провинціальной сплетни, такъ что явилась необходимость воздерживаться и слѣдить за собой очень строго. Исправникъ довольно часто приглашалъ меня въ клубъ, устроенный, кажется, въ бывшемъ винномъ складѣ, обставленный безъ малѣйшаго щегольства, гдѣ шла преимущественно небольшая коммерческая игра, но иногда и другая. Разъ, единственный, я поддался искушенію и далъ доктору втянуть себя въ азартную игру, послѣдствіемъ чего было полное мое разореніе. Онъ тоже тогда проигралъ и былъ нѣсколько возбужденъ, вслѣдствіе чего, несмотря на поздній часъ, предложилъ мнѣ зайти къ нему, взять у него денегъ и для успокоенія выпить чаю.

Чай вскорѣ явился, а вслѣдъ затѣмъ и милая молодая хозяйка въ бѣлой ночной кофточкѣ. Когда мужъ вышелъ изъ комнаты, она потихоньку сказала:

— Безобразники!

Случай, конечно, совершенно ничтожный; но вѣроятно, что и онъ не остался безъ вліянія на пересуды мѣстныхъ дамъ, въ числѣ которыхъ долженъ еще помянуть красивую, но лишенную политическаго значенія аптекаршу. Объ этихъ пересудахъ я писалъ такъ (22-го марта): „Общественныя огорченія происходятъ главнымъ образомъ вслѣдствіе раздѣленности здѣшней публики на двѣ партіи. Главные представители той и другой другъ у друга не бываютъ; остальнымъ приходится балансировать. Сплетнямъ нѣсть числа; а также разнымъ безпричиннымъ охлажденіямъ, неожиданнымъ коварствамъ и прочимъ гадостямъ, глупымъ, конечно, но противнымъ. Замѣтивъ, что и я могу сдѣлаться ихъ жертвой, я, разумѣется, сдѣлался осторожнѣе. Если доживу до счастливой минуты полученія извѣстія о переводѣ, первую радость почувствую въ развязкѣ со всѣмъ этимъ. Пока утѣшаюсь тѣмъ, что особа, о которой я писалъ вамъ раньше, совершенно въ сторонѣ отъ этихъ исторій“.

Къ верхнеуральскому обществу тогда принадлежалъ, но держался отъ него дальше, чѣмъ я, одинъ ссыльный полякъ, помѣщикъ, повидимому со средствами, образованный человѣкъ съ энергичнымъ, смѣлымъ лицомъ, но калѣка, волочившій омертвѣлыя ноги при помощи двухъ костылей. Коротко стриженный, съ бородой клиномъ и общимъ типомъ хищной птицы, при очень развитыхъ плечахъ и рукахъ, онъ производилъ, когда двигался, впечатлѣніе подстрѣленнаго коршуна, пытающагося взмахнуть крыльями. Мы изрѣдка встрѣчались въ клубѣ, и раза два или три я у него обѣдалъ. Онъ игралъ очень спокойно, хорошо и большей частью счастливо. Докторъ его не терпѣлъ, повидимому безъ достаточнаго основанія; а мнѣ онъ, напротивъ, нравился, — причеиъ, быть можетъ, отчасти подкупали его вкусныя обѣды.

По этой части, т.-е. по части обѣдовъ, я въ Верхнеуральскѣ очень бѣдствовалъ, въ особенности на первой квартирѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ приѣзда и писалъ отъ 17-го сентября:

„Что ни спроси — одинъ отвѣтъ: „здѣсь не найдете“. Казацкая безпритязательная суровость господствуетъ, да еще съ отгѣнкомъ сиротства и воспоминанія о лучшихъ дняхъ, когда городъ былъ „на Линіи“ и гораздо оживленнѣе. Хозяйки мои бѣдны, нельзя отъ нихъ многого требовать; но, кромѣ того, такія неряхи, какихъ рѣшительно не видывалъ. У нихъ одна забота о пищѣ,

которая вѣроятно лучше, чѣмъ у прочихъ бѣдныхъ людей; но все прочее разваливается и гибнетъ“.

Въ эту зиму оренбургскій генераль-губернаторъ Крыжановскій ѣздилъ въ Петербургъ. Я находилъ, что обращеніе къ высшимъ властямъ, помимо власти мѣстной, было бы неудобно, и просилъ матушку не упустить случая и рѣшиться еще разъ побывать въ Петербургѣ, для личнаго обращенія къ генераль-губернатору. Ее приняли любезно и общались, въ недалекомъ будущемъ, переводъ въ Оренбургъ или Уфу. Перваго мнѣ очень не хотѣлось, вслѣдствіе большей отдаленности и непріятнаго климата, а также въ виду военного характера города, причемъ фамилія моя представлялась мнѣ особенно неудобной, такъ какъ прошло всего двадцать лѣтъ со времени генераль-губернаторствованія моего дяди и его еще помнили. Съ удовольствіемъ замѣчу, что о немъ отзывались вообще хорошо, выставляя на видъ его заботливость о солдатѣ и не всегда толковую ретивость въ сбереженіяхъ и преслѣдованіи хищничества. Безусловно добромъ поминали жену его, по ея выдающейся красотѣ и старанію укрощать слишкомъ заносившагося супруга. Впослѣдствіи выяснилось, что меня переводятъ въ Уфу. Въ письмахъ моихъ объ этомъ долгожданномъ обстоятельстве значится слѣдующее:

„Утромъ въ субботу, 31 марта, я былъ у исправника. Собралось по дѣлу нѣсколько человѣкъ, съ которыми онъ велъ бесѣду до того одушевленную, что когда принесли почту, она часа полтора пролежала нетронутая. Потомъ онъ вскрылъ конвертъ отъ губернатора — и прямо передалъ мнѣ: оказалось желанное извѣщеніе. Былъ тутъ же докторъ и другія лица, не разъ бывавшія въ Уфѣ и знающія путь туда въ подробности. Докторъ полагалъ, что можно бы тотчасъ выѣхать и хотя съ грѣхомъ пополамъ перебраться черезъ Уралъ и далѣе коммерческимъ проселкомъ до Стерлитамака. Но исправникъ и другія лица отговорили, утверждая, что непременно гдѣ-нибудь застрянешь, а пожалуй и вовсе утонешь; а вещи во всякомъ случаѣ неоднократно искупаешь и прополощешь. Кажется, я напрасно ихъ послушался; но какъ бы ни было, рѣшено пуститься слѣдующимъ путемъ: на коммерческомъ проселкѣ, ведущемъ отсюда въ Стерлитамакъ, есть въ 54-хъ верстахъ заводъ Бѣлорѣцкій. Туда проѣздъ и въ отчаянную распутицу безопасенъ. Изъ этого завода, какъ только вскрыется рѣка, отправляютъ по полой водѣ барки съ чугуномъ, которыя идутъ до Стерлитамака дней пять. На сихъ-то баркахъ мнѣ и предлагаютъ поплыть, что, конечно, и мѣшкотно, и холодно, и голодно, но будто бы все-таки лучше.

Николай Петровичъ (исправникъ) запросилъ управляющаго заводомъ, когда ожидается вскрытіе рѣки, и, по полученіи отвѣта, заявилъ, что ему самому нужно побывать въ той сторонѣ, и предложилъ довести меня до завода. Любопытно, что съ самой минуты полученія извѣстія о моемъ переводѣ — какъ рукой сняло всѣ здѣшнія досады. Я какъ бы сдѣлался именинникомъ, съ которымъ никто не хотѣлъ имѣть непріятныхъ счетовъ. Меня проводили пикникомъ, въ небольшой мужской компаніи, за нѣсколько верстъ отъ города. Расположились въ болѣе или менѣ живописныхъ кустахъ; но тутъ оказалось, что забыли стаканы и рюмки. Остроумный докторъ и тутъ нашелся, предложивъ отвязать колокольчики...

На Бѣлорѣцкомъ заводѣ исправника, конечно, чествовали, причемъ любезной хозяйкой была очень видная, красивая барыня въ черныхъ шелкахъ, обладательница порядочнаго голоса, вслѣдствіе чего вечеромъ были и романсы, и хоровое пѣніе. По рекомендаціи начальства, меня удобно устроили на баркѣ, снабдили дорожной провизіей, и на слѣдующее утро караванъ тронулся. Путешествіе мое было вполне благополучное, но томительно медленное. Въ четырехъ верстахъ отъ завода мы простояли трое сутокъ по случаю какихъ-то усложненій по найму рабочихъ, и затѣмъ, помимо ночныхъ стоянокъ, мы не разъ останавливались вслѣдствіе того, что барки притыкались къ мелямъ или вовсе разбивались. Приходилось стаскивать, перегружать. Я слѣдовалъ на главной баркѣ, гдѣ, понятно, былъ лучшій лоцманъ и рабочіе лучше; но и мы разъ стукнулись объ утесъ, называемый Чугункой. Поврежденія не послѣдовало; но разбейся барка въ этомъ мѣстѣ — было бы скверно. По личному впечатлѣнію, лоцманъ былъ довольно уже старый и утомленный выпивками косматый мужикъ въ лаптяхъ, не безъ улыбки, по съ нескладной, путанной рѣчью. На свое немного возвышенное мѣсто онъ становился только тамъ, гдѣ требовалось особенное вниманіе. Когда насъ очень быстро несло на утесъ, онъ топалъ ногами, держа обѣ руки кверху, отплевывался и кричалъ: „Не бойсь! не бойсь! пронесеть! ничего не будетъ!“ И мы, дѣйствительно, отдѣлались легкимъ толчкомъ, едва коснулись камня. Но онъ все-таки былъ очень скопфуженъ.

Я былъ радъ, когда мы добрались до Авзяна (завода, кажется, Бенардаки), гдѣ, благодаря письмамъ изъ Верхнеуральска, мнѣ было обезпечено радушное гостепріимство. Уютный домъ среди приволья дальнихъ краевъ, ласковый привѣтъ па чужбинѣ — что можетъ быть отраднѣе послѣ утомительнаго пути? И я этимъ

внѣнѣ насладился въ домѣ управляющаго Авзянскимъ заводомъ, въ особенности благодаря хозяйкѣ, умной, образованной москвичкѣ, къ тому же очень красивой блондинкѣ, хотя и распольнѣвшей нѣсколько болѣе, чѣмъ бы желательно. Да и онъ былъ пріятный человѣкъ, красивый и элегантный, помѣщичьяго пошиба. Ни фамиліи, ни имени его не помню; но ее звали Александрой Сергѣевной. Они посовѣтовали мнѣ бросить караванъ и вызвались нанять для меня, недорого, лодочку съ двумя гребцами, при помощи которыхъ я гораздо скорѣе и пріятнѣе доберусь до Стерлитамака, откуда пойдетъ уже прямой трактъ па Уфу.

Этому совѣту я обязанъ едва-ли не самыми блаженными минутами наслажденія природой, какія пришлось мнѣ испытать въ жизни. Своимъ тогдашнимъ впечатлѣніямъ я посвятилъ послѣднія страницы моихъ „Очерковъ сибирской жизни“.

Путь отъ Стерлитамака до Уфы ничѣмъ, конечно, ознаменованъ не былъ; но попасть съ тракта въ Уфу оказалось не легко, по случаю разлива р. Бѣлой. Пришлось плыть часа два, между кустовъ и плетней, подъ дождемъ и при сильномъ вѣтрѣ, причемъ лодченку подчасъ порядочно кренило.

Всего странствованіе мое продолжалось семнадцать дней: съ 19 апрѣля по 6 мая.

О жизни своей въ Уфѣ я могу рассказать еще гораздо менѣе, чѣмъ о жизни въ Верхнеуральскѣ. Тутъ я не имѣлъ никакихъ отношеній къ администраціи и никакихъ знакомствъ. Весь интересъ существованія сводился къ полученію заказной, журнальной или переводной работы и къ соображеніямъ о времени, когда отпустить домой. Городъ былъ для такой жизни удобный, недорогой, съ широкими шоссированными улицами, обставленными уютными особнячками, съ садиками, гдѣ въ маѣ благоухала сирень, а въ іюнѣ липы, и гдѣ соловьи пѣли весной очень громко. Прелестныя прогулки были и за городомъ, въ дубовыхъ рощахъ. Не совсѣмъ удобны были зимнія метели и вообще страшные снѣга, которые подняли полотно улицъ чуть не до уровня фонарей. Я жилъ во флигелькѣ, въ углу пространнаго двора, и меня часто заносило такъ, что приходилось ждать, пока буранъ стихнетъ и хозяйскій плоховѣкій работникъ расчиститъ крыльцо и возстановитъ сообщеніе съ міромъ.

Въ январѣ 1874 года стало извѣстно, что мнѣ, въ числѣ прочихъ, разрѣшалось свободное жительство въ имперіи, кромѣ столицъ и городовъ и губернскихъ. Тогда же пріѣхалъ въ Уфу генералъ губернаторъ Крыжановскій. Я ему представлялся, не помню, по личному ли желанію, для выраженія благодарности, или по

приказанію свыше. Меня принялъ губернаторъ, котораго я тутъ увидѣлъ впервые, и который, при появленіи Н. А. Крыжановскаго, почтительно удалился. Генералъ-губернаторъ былъ любезенъ, посадилъ меня на диванчикъ рядомъ съ собой, выразилъ увѣренность, что у меня теперь прошла всякая фанаберія, и затѣмъ, вдругъ перейдя на дружескую фамиллярность и на „ты“, предложилъ мнѣ только съѣздить домой, повидаться съ матушкой, а затѣмъ явиться къ нему на службу, въ Оренбургъ, причемъ ручался, что это будетъ для меня всего выгоднѣе. Я до крайности испугался такого внезапнаго проявленія милости; но полагаю, что не выдалъ себя и нашелъ слова, свидѣтельствовавшія о благодарности, готовности и, увы, достойной начальственнаго снисхожденія невозможности. Чуть ли не единственный разъ въ жизни я самъ себя слушалъ и сознавалъ, что сладко лилась моя рѣчь. Во всякомъ случаѣ пожранъ не былъ, а, напротивъ, отпущенъ съ миромъ, и въ началѣ февраля отбылъ изъ Уфы съ попутчикомъ, очень хорошимъ полякомъ, котораго я зналъ еще въ Иркутскѣ. Намъ обоимъ очень хотѣлось скорѣе добраться до желѣзной дороги, какъ нагляднаго доказательства нашего возвращенія въ культурныя страны. При сведеніи дорожныхъ счетовъ, на пути изъ Нижняго въ Москву, я остался ему долженъ 14 рублей. Его варшавскій адресъ былъ у меня записанъ, но затерялся; а потомъ я даже его фамилію забылъ, и помню только хорошее лицо, передъ которымъ теперь извиняюсь въ невольной неисправности.

II.—Одесса.

Въ концѣ мая я отправился искать счастья въ Одессу. Теперь такая мысль никому не придетъ въ голову: даже во снѣ было бы ужасно увидать себя въ обстановкѣ этого тяжело испытываемаго города. Трудно понять, какъ еще живутъ тамъ люди; какъ не бѣгутъ всѣ оттуда. Но тогдашняя Одесса была непохожа на теперешнюю. Правда, что собственно за евреевъ и тогда опасались каждую Пасху. Но почвой для этихъ опасеній служила греческая церковь, греческіе фейерверочные пасхальные обычаи и греческая злоба противъ конкурентовъ. Погромъ 1871 года разыгрался нечаянно, по оплошности начальства, и въ немъ преобладали элементы звѣрской потѣхи, разрушенія и грабительства, а не злобнаго калѣченія и убійства, къ которому преимущественно устремлены теперешнія организованныя шайки. Послѣ первыхъ часовъ растерянности, расправа послѣдовала крутая, не оста-

вившая въ умахъ населенія никакихъ сомнѣній насчетъ истинныхъ чувствъ начальства. Въ тѣ дни крѣпкой власти слишкомъ еще далеки были отъ мысли усматривать въ свирѣпостяхъ черни орудіе политической борьбы, полезное укрощеніе строптивыхъ и надежную для себя опору. Конечно, Одессу и тогда не любили, и посѣщали неохотно. Я полагаю, однако, что въ основѣ этой неохоты была лишь своего рода брезгливость, опасеніе еврейской неудержимости, неподобающихъ криковъ, столпленія вокругъ экипажа протянутыхъ рукъ...

Погромныя раны 1871 года заросли, новороссійское генераль-губернаторство было упразднено; о блескъ Воронцовскихъ дней напоминалъ только красивый дворецъ на выступѣ скалы надъ моремъ, гдѣ доживала вѣкъ никому уже невидимая старая княгиня Елизавета Ксаверьевна, волшебница Пушкинскаго „Талисмана“, вдохновительница Воронцовской камарильи. Въ двухъ шагахъ отъ дворца, тоже въ большомъ уединеніи, жилъ другой обломокъ прежнихъ временъ, гр. А. Г. Строгановъ, который въ послѣдніе годы жизни счелъ нужнымъ сжечь всѣ свои бумаги. Представителемъ власти сталъ штатскій градоначальникъ Бухаринъ, сановный старецъ, напоминавшій Самойлова въ „Старомъ Баринѣ“; а городское общество представлялъ талантливый Н. А. Новосельскій. Подъ ихъ невольнѣй безупречной сѣнью, бойкіе, маловоспитанные южане, евреи и греки, обдѣлывали дѣлишки, богатѣли и разорялись, интриговали и переругивались въ думѣ. Немногія приличныя русскія семьи держались вообще особнякомъ, и естественно обособлялся также университетскій кружокъ. Войскъ въ городѣ было мало; офицеры попадались на улицахъ изрѣдка и не играли въ обществѣ замѣтной роли. Массами гуляла публика по бульвару и въ городскомъ саду, наполняла театры и рестораны,—и жилось населенію мирно и безмятежно.

Въ эту штатскую, чуждую разжигающихъ вопросовъ и довольную своей участію Одессу я явился съ мечтой не только найти заработокъ, но и сблизиться съ университетскими людьми и при ихъ помощи наверстать потерянное время и подогнать себя до надлежащаго образовательнаго уровня. Легко понять, что въ послѣднемъ отношеніи я рѣзко ошибся: нянчиться со мной ни у кого не нашлось ни времени, ни охоты; участливаго, и въ особенности живого, слова не пришлось услышать ни отъ кого. Написанные въ первые мѣсяцы по возвращеніи „Очерки сибирской жизни“ я читалъ осенью въ комитетѣ изъ трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ была Т. П. Пассекъ. Въ нихъ при-

знали нѣкоторую живость; но посовѣтовали—должно быть, вполне правильно—оставить ихъ пока у себя. Татьяна Петровна мнѣ, конечно, понравилась—она не могла не нравиться,—но ея ближайшіе слишкомъ расхолаживали; такъ что изъ этого знакомства ничего не вышло. По части хлѣба насущнаго, при содѣйствіи мѣстнаго дѣятеля, барона Стюарта, мнѣ помогли пристроиться въ городской библіотекѣ, которою завѣдывалъ очень древній старецъ, де-Рибасъ, человѣкъ романтической наружности, высокій, очень худой, съ длинными пожелтѣвшими уже волосами, всегда въ наглухо застегнутомъ полиняломъ пальто, а на улицѣ—въ живописной мятой шляпѣ. Онъ говорилъ преимущественно по-французски, почитался хранилемъ какихъ-то одесскихъ традицій, обладателемъ учености; но его воздѣйствіе въ библіотекѣ не ощущалось. Онъ появлялся тамъ какой-то беззвучной тѣнью, подходившей, впрочемъ, къ мертвенному состоянію самой библіотеки. Двумъ служащимъ, которыхъ я засталъ, и изъ которыхъ одинъ былъ сынъ де-Рибаса, дѣла было немного; посѣтители, вполне безотрадные, появлялись въ маломъ числѣ; о приведеніи библіотеки въ порядокъ только говорилось. Вознагражденіе было скудное и выплачивалось неаккуратно. Къ счастью, мнѣ вскорѣ удалось перейти въ управленіе одесской желѣзной дороги, благодаря тому, что тамъ былъ значительнымъ лицомъ мой товарищъ по выпуску изъ 1-го корпуса, А. Н. Горчаковъ, донинѣ здравствующій и высоко вознесшійся. Впрочемъ, я и тамъ прослужилъ лишь самые немногіе мѣсяцы, такъ какъ одесская дорога была въ то время объединена съ „Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли“, и директоръ обоихъ учрежденій, Н. М. Чихачовъ, вскорѣ перевелъ меня въ главную контору „Общества“, на должность, которая дала мнѣ матеріальную обезпеченность, вполне успокоившую моихъ близкихъ.

Во время службы на одесской дорогѣ, меня однажды призывалъ С. Ю. Витте, тогда цвѣтушій молодой красавецъ, чрезвычайно быстро достигшій въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ первенствующаго положенія. Ему понадобились какія-то разъясненія по вопросу, изложенному на нѣмецкомъ языкѣ, и онъ нашелъ мой докладъ „толковымъ“.

Характеръ Одессы сталъ измѣняться со времени сербской войны. Проявились добровольцы; постепенно усложнились военныя управленія; нахлынула масса офицеровъ; въ русскихъ семьяхъ увидали петербургскихъ знакомыхъ и пошли петербургскіе разговоры. Штатскій градоначальникъ уступилъ мѣсто свитскому генералу, графу Левашову, и въ особенности графинѣ Ольгѣ

Викторовнѣ, рожденной Паниной, которая тотчасъ, съ чрезвычайной энергіей и барскимъ пренебреженіемъ рутины, устремилась къ объединенію общества въ „патріотически-швальномъ“ направленіи, не разбирая ни эллина, ни іудея. Вмѣстѣ съ тѣмъ заговорили, однако, и о социалистическихъ проявленіяхъ; такъ что Высочайшее посѣщеніе Одессы, въ августѣ 1876 года, послѣдовало уже въ строго охранной обстановкѣ. Смотровое поле было выбрано въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, противъ такъ называемаго Средняго фонтана, и Государь прибылъ туда съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, въ коляскѣ, на полныхъ рысяхъ, окруженный офицерами, скакавшими растяжнымъ галопомъ. Я стоялъ въ группѣ дачниковъ въ порядочномъ разстояніи, но все-таки такъ, что можно было видѣть, и съ страстнымъ напряженіемъ всматривался въ лицо Государя. Онъ показался мнѣ мало измѣнившимся, только какъ будто крупнѣе прежняго. Такимъ же порядкомъ совершилось и прибытіе Государя на яхту „Ливадія“, по узкому мощеному молу, причемъ я съ особенною ясностью почувствовалъ, что скачущіе толпой всадники — огромная помѣха злоумышленникамъ, но что противно ѣхать въ пыли, и что такая обстановка есть признаніе во многомъ, глубоко прискорбномъ. Вечеромъ я смотрѣлъ на отплытіе „Ливадіи“ со шлюпки, въ веселой молодой компаніи; а на яхтѣ въ это время шла суeta по случаю внезапнаго помѣшательства А. Л. Потапова.

Война между тѣмъ надвигалась. Мы увидали Тотлебена, намѣчающаго мѣста приморскихъ баттарей. Разные генералы вызывались на совѣтъ въ Ливадію, откуда Государь уѣхалъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, и 30 октября произнесъ въ Москвѣ рѣчь, не оставлявшую надежды на мирный исходъ дѣла. Передъ дворцомъ народъ былъ допущенъ къ самому экипажу и ура кричали прямо въ уши, такъ что ближайшихъ пришлось урезонить окрикомъ: „Полно орать!“ — Энтузіазмъ былъ несомнѣнный и широко распространенный. 2-го ноября состоялся приказъ о мобилизаціи арміи, а затѣмъ послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ вел. кн. Николая Николаевича. Относившіеся къ этому назначенію безпристрастно не предполагали, конечно, высшихъ дарованій, но утѣшали себя мыслью, что высокое положеніе дастъ возможность предупредить соперничества и пререканія. Великій князь прослѣдовалъ къ арміи, но тамъ тяжело заболѣлъ и вернулся долечиваться въ Одессу, съ лицомъ еще весьма болѣзненнымъ и желтымъ. Серьезныхъ опасеній уже не было, и потому извѣстія о состояніи здоровья довольно скоро замѣнились сплетнями о развлеченіяхъ. Не помню, когда послѣдовало отбытіе изъ

Одессы и вообще какъ прошли послѣдніе мѣсяцы передъ эффектнымъ объявленіемъ войны въ Кишиневѣ, 12 апрѣля.

Изъ Кишинева Государь проѣхалъ въ Одессу, гдѣ осматривалъ приморскія укрѣпленія. Назначенный еще съ осени начальникомъ приморской обороны Н. М. Чихачовъ сдалъ тогда управленіе „Русскимъ Обществомъ пароходства и торговли“ Н. Ф. Фанъ-деръ-Флиту. Пароходы перестали плавать, дѣятельность „Общества“ сократилась; убыло съ этой стороны работы и у меня; но взамѣнъ ея я былъ привлеченъ къ гораздо болѣе для меня интереснымъ занятіямъ по оборонѣ. Тутъ и началось мое знакомство съ морской службой, морскими вопросами и лично съ довольно многими флотскими офицерами, вслѣдствіе чего, при позднѣйшемъ поступленіи на службу по морскому вѣдомству, я уже не былъ въ немъ совершенно чужимъ. Нѣкоторые изъ служившихъ въ „Обществѣ“ флотскихъ офицеровъ получили официальные назначенія и нѣкоторые суда были переданы морскому вѣдомству и вооружены пригодными для тѣхъ дней ничтожными средствами.

Объявленіе войны послѣдовало съ соблюденіемъ всѣхъ международныхъ приличій. Наше посольство безъ суетливости отбыло изъ Константинополя въ Одессу. Торговымъ судамъ данъ былъ для отплытія достаточный срокъ. Считая турецкій флотъ болѣе склоннымъ къ предпримчивости, нежели онъ въ дѣйствительности оказался, весьма опасались, успѣетъ ли перейти изъ Николаева въ Одессу вторая, болѣе сильная и несовсѣмъ еще достроенная поправка „Вице-Адмиралъ Поповъ“. Она перешла благополучно, и предполагалось, что съ тѣмъ вмѣстѣ въ оборону Одессы внесена была громадная сила. Но, увы!—едва-ли можно найти болѣе бѣдственный и пагубный по своимъ послѣдствіямъ примѣръ увлеченія ложной мыслью, осуществленной наперекоръ всякой теоріи и всякому опыту. Полныхъ шесть лѣтъ у насъ были развязаны руки на Черномъ морѣ, и во все это время, непростительнѣйшимъ образомъ, ничего не было сдѣлано для возстановленія тамъ нашей морской силы, и немногимъ болѣе было сдѣлано въ Балтикѣ. Все приписано было въ жертву несчастной мысли созданія собственнаго своего, русскаго, вполнѣ самобытнаго типа судовъ. При бюджетѣ вообще скромномъ не отступали ни передъ какими расходами: лихорадочно строили и потомъ ломали и строили вновь; ни на что другое не обращалось вниманія; давали ходъ только тѣмъ, которые поддерживали въ заблужденіи; деньги исчезали безплодно по всѣмъ направленіямъ и сквозь всякія щели; а во флотѣ все глубже и глубже

въѣдалась зараза службы безъ плаванія и неискренности, несоотвѣтствія словъ съ дѣлами. Осуждая такъ безусловно то состояніе, въ которомъ война застигла нашъ флотъ, я всего менѣе имѣю въ виду набросить тѣнь на нравственную личность Андрея Александровича Попова. Напротивъ, я считаю его первой жертвой несчастной мысли, которая имъ овладѣла и успѣла восторжествовать благодаря утомленію жизнью, дряблости и дрянности другихъ. Отличный морской офицеръ, человѣкъ огромной энергіи, смѣлый, преданный дѣлу, чуждый пизменныхъ побужденій, умѣвшій учить и передавать свое воодушевленіе другимъ, способный къ подкупающимъ проявленіямъ доброты, Андрей Александровичъ до конца оставался популярнымъ, даже при враждебности къ нему, и мнѣ кажется, что онъ не будетъ забытъ флотомъ, который ему простить и его роковую ошибку, и приступы бѣснованія, и его главную слабость—неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣли, доходившую до интриги, лукавства и лъстивости, даже передъ мелкими, но въ данное время нужными людьми.

Въ моемъ очеркѣ „Расчетъ“, написанномъ въ 1879 году, было нѣсколько страницъ, посвященныхъ войнѣ. Редакція „Отечественныхъ Записокъ“ не нашла ихъ тогда удобными для печати, и я теперь стѣсняюсь воспроизвести ихъ полностью, а передамъ лишь вкратцѣ ихъ содержаніе.

Я признавался прежде всего въ недостаточномъ сочувствіи къ побужденіямъ, которыми обыкновенно объясняли войну, и въ полномъ равнодушіи къ южно-славянскимъ братьямъ, въ которыхъ видѣлъ черты, мнѣ глубоко несочувственные. Ни аргументъ вѣкового рабства, ни рассказы о звѣрствахъ на меня не вліяли; такъ какъ мнѣ хорошо было извѣстно, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ всѣ поступаютъ круто, и что у насъ, напимѣръ, за вышиваніе освободительныхъ окраинныхъ знаменъ расправа съ вышивальщицами была бы суровая. Всѣ грѣшны, и у всѣхъ не одинъ пушокъ на рылѣ. И во снѣ не снилось тогда, что гнусные турецкіе баши-бузуки будутъ свирѣпствовать со временемъ на русской землѣ подъ именемъ ингушей, нанятыхъ для сего благороднымъ російскимъ дворянствомъ и споспѣшествуемыхъ многочисленными православными дѣятелями.

Затѣмъ, я выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы намъ позволили осуществить задуманный захватъ, и отрицалъ выгодность его для Россіи, а также возможность найти средства для удвоенія арміи и флотовъ и выставить людей, способныхъ къ успешнымъ дѣйствіямъ среди обстоятельствъ столь сложныхъ и запутанныхъ.

По части исполненія засвидѣтельствованы были грубыя промахи; въ результатѣ—кромѣ сиротъ и калѣкъ, пониженіе престижа, даже сравнительно съ 1856 годомъ.

Затѣмъ, я писалъ тогда слѣдующее:

„Несмотря на недостаточное мое сочувствіе къ побужденіямъ, исполненію и результатамъ войны, она, однако, производитъ на меня въ общемъ отрадное впечатлѣніе. Вспоминается мужество и чудесная выносливость молодой всесословной арміи; самоотверженіе докторовъ, сестеръ милосердія и всего госпитальнаго персонала; вспоминается прежде всего и надо всѣмъ то общее возвышеніе и облагороженіе жизненнаго строя, которое такъ хорошо распространилось по Россіи. Въ первый разъ послѣ 1861 года, вмѣсто каждодневныхъ личныхъ дразговъ, у множества людей явились общія гражданскія мысли и рѣшимость дѣйствовать по этимъ мыслямъ. Не только рѣшимость, но и возможность. Совершилось неслыханное и неизреченное! Вдругъ намъ, обывателямъ города Глухова, было дозволено въ извѣстномъ направленіи — и не въ какомъ нибудь потѣшномъ, а въ такомъ, которымъ и прочіе люди гордятся—предпринимать поступки по мыслямъ своимъ, совѣщаться объ этомъ съ другими, подавать другъ другу руку, рѣшаться и осуществлять свою рѣшимость! И препятствій на всемъ пути очень мало: ровно столько, сколько требуется для возбужденія и пріятности. А ежели кто устремлялся къ прямому пролитію крови за отечество, то и помощь оказывалась—иной разъ даже выше потребности и вѣроятія. Мы почувствовали въ себѣ живую душу и повѣрили, что мы—люди... Мы учились другъ у друга; намъ хотѣлось быть какъ тѣ изъ насъ, которые лучше. Лучезарными, свѣтлыми представляются теперь эти мѣсяцы военнаго времени. Кто бы повѣрилъ тогда, что мы можемъ упасть такъ низко, что въ насъ до такой ужасающей степени вѣтъ ничего надежнаго и вѣрнаго! Слово „честь“ теперь незыблемо сохраняется только въ языкѣ официальныхъ сношеній и коммерческихъ писемъ. А въ то время это было слово живое, которое руководило поступками многихъ. Приведу одинъ примѣръ.—по-моему, самый поразительный—а именно, присутствіе въ арміи людей изнѣженныхъ всѣми утонченностями жизни и привыкшихъ, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ставить малѣйшую свою личную прихоть выше всякихъ общихъ соображеній. Были между ними и люди очень немолодые, и не весьма здоровые. Убогая обстановка, холодъ, дрянная пища были для нихъ тягостнѣе, чѣмъ для послѣдняго солдата. Кромѣ того, имъ приходилось выносить

постоянное напряженіе мрачныхъ и гнетущихъ мыслей. А долгое время и то лѣзло въ голову, что можетъ не оказаться лодочки для обратной переправы черезъ Дунай. Въ предложенияхъ къ отъѣзду изъ арміи не было недостатка. Они каждодневно выдумывались заинтересованными людьми. Выставлялись впередъ самыя благовидныя и необходимыя причины; пущены были въ ходъ самыя преданныя упрасиванія. Въ каждомъ письмѣ, приносившемся съ далекаго сѣвера, вѣрами раскидывались всякіе кордебалеты, подъ сѣнью пальмъ и латаній, въ свѣтѣ, въ теплѣ, при плескѣ сверкающихъ водъ, среди благоуханій, подъ звуки чарующей музыки. И однакожь эти утомленные, больные люди, привыкшіе, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ни въ чемъ не стѣсняться, подъ вліяніемъ войны поняли, что честь и долгъ — тамъ, въ грязи, подъ Плевной, и не колеблясь выдержали до конца.

„Повторяю,—какъ далеки мы отъ этихъ дней, когда честь и долгъ людьми руководили!

„Личныхъ моихъ отношеній къ этому времени я не имѣю причины стыдиться, хотя они оставили во мнѣ впечатлѣніе большой неудовлетворенности. При кое-чемъ не вовсе бесполезнымъ былъ все время; единожды успѣлъ подставить лобъ; и затѣмъ еще устремлялся къ тому же, сколько было возможно, съ искреннимъ, скажу прямо, доброкачественнымъ порывомъ. Но отъ личнаго участія въ госпитальномъ дѣлѣ я себя устранилъ. Произошло это потому, что я со дня на день ждалъ — и имѣлъ право ждать — возможности ѣхать въ армію, и, по насмѣшкѣ судьбы, которую въ подробности объяснять неудобно (1879; теперь это будетъ объяснено ниже), такъ до конца и не дождался. Несмотря на давнюю отставку, я надѣялся быть полезнымъ. Честолюбивыя мечты о военныхъ способностяхъ, о безвѣстномъ участіи въ составленіи плановъ и о заманчивой встрѣчѣ пуль въ мѣстахъ, такъ сказать, предначертанныхъ, — я, разумѣется, содержалъ въ себѣ лишь въ качествѣ пріятной забавы. Но я зналъ навѣрное, что я годенъ для разныхъ необходимыхъ каждодневностей службы; и прежде всего, что я — толковый, пестомчивый и неболтливый писарь, способный написать все, что нужно, по приказанію, данному въ двухъ словахъ. Такіе писаря нужны въ походное время, и особеннаго избытка въ нихъ не бываетъ. Идти туда я считалъ моей прямой обязанностью; и въ ежедневномъ ожиданіи не хотѣлъ браться за другое дѣло, которое бы повредило этому. А теперь, когда ожиданіе не привело ни къ чему, меня и беретъ раздумье, не стыдно ли, что

тягости войны такъ деликатно и неощутительно меня коснулись, и не лучше ли было бы бросить заносчивыя мечтанія и пойти помогать докторамъ и сестрамъ милосердія па перевязочныхъ пунктахъ.

„Такъ или иначе, не воротишь. Виновать или не виновать, во всякомъ случаѣ выходить, что и тутъ оказался неумѣлымъ и ненужнымъ.

„Но помимо докучливыхъ сомнѣній по этому вопросу, время войны было для меня, также какъ и для тысячъ другихъ, временемъ оживленія человѣческихъ чувствъ и улучшенія жизни. Послѣ многолѣтнихъ мыканій въ средѣ, гдѣ столько было грубаго и дурного, опять увидѣлъ опрятность душевную, нѣжныя и глубокія личныя привязанности и подчиненіе ихъ долгу, исполняемому такъ просто, такъ само собой. Опять испыталъ прелесть того обращенія, въ которомъ, подъ внѣшнею сдержанностью, сказывалась душа, ласка, сочувствіе“...

Въ качествѣ волонтера, я принималъ участіе въ атакѣ турецкой эскадры на сулинскомъ рейдѣ, 29 мая 1877 года, за что былъ представленъ къ возвращенію военнаго чина, который и былъ Всемилостивѣйше мнѣ возвращенъ 7 іюля; но, вслѣдствіе безпорядка въ тылу арміи, бумага объ этомъ достигла одесскаго округа и была сообщена мнѣ лишь годомъ позднѣе, 15 іюня 1878 года.

Разскажу подробнѣе объ этомъ обстоятельствѣ, не для того, чтобы говорить о себѣ, а для того, чтобы помянуть добромъ командовавшихъ миноносцами лейтенантовъ Пущина и Рождественскаго и начальствовавшаго экспедиціей, командира парохода „В. К. Константинъ“, С. О. Макарова, тогда тоже лейтенанта, безъ той шикарной бороды, которой онъ былъ обязанъ своей Скобелевской наружностью. Назвать его красивымъ въ то время было нельзя; но онъ былъ строенъ, ловокъ и уже привыкъ держать себя какъ человѣкъ извѣстнаго положенія и значительности.

Будущій адмиралъ дѣйствительно уже тогда пользовался во флотѣ нѣкоторой извѣстностью. Онъ выдвинулся впередъ почти мальчикомъ, благодаря протекціи А. А. Попова, который оцѣнилъ его ретивость, лихость и выдающіяся качества отличнаго морского офицера. Въ немъ была очень рѣдкая у насъ жилка изобрѣтательности, и хотя она не выразилась ни въ чемъ крупномъ, но вполне возможно, что онъ не успѣлъ еще сказать по этой части своего послѣдняго слова. Французскимъ и англійскимъ языкомъ онъ овладѣлъ до степени свободнаго разговора,

что удастся столь немногимъ, не усвоившимъ себѣ этихъ языковъ съ дѣтства. Но популяренъ онъ не былъ. Напротивъ, многіе, ничѣмъ себя не заявившіе, вполне заурядные люди не стѣснялись отзываться о немъ дурно, даже пренебрежительно. Это происходило отчасти въ силу сословной напыщенности и вслѣдствіе нерѣдкихъ съ его стороны проявленій недостаточнаго такта и чрезмѣрной склонности къ выставленію себя. Приведу въ примѣръ заглавіе его книги: „Витязь и Тихій океанъ“. Но, конечно, главную роль тутъ играла зависть къ блестящимъ свойствамъ его личности и къ его служебнымъ успѣхамъ.

Л. Н. Пущинъ до войны служилъ въ „Русскомъ Обществѣ“, а В. О. Рождественскій былъ одинъ изъ первыхъ минеровъ, подготовленныхъ учрежденнымъ незадолго передъ тѣмъ миннымъ офицерскимъ классомъ. Онъ еще осенью былъ откомандированъ въ распоряженіе адмирала Чихачова, для устройства минной обороны одесскаго порта и велъ работы дѣятельно, съ утра до сумерекъ, при очень суровыхъ обстоятельствахъ погоды. Тогда же былъ выписанъ изъ Англіи, чрезъ посредство „Русскаго Общества“, миноносецъ № 2, командиромъ котораго и былъ назначенъ Рождественскій. Не помню, гдѣ былъ построенъ миноносецъ № 1, которымъ командовалъ Пущинъ. Я часто встрѣчался съ Рождественскимъ по службѣ и у близкихъ знакомыхъ, и мы сдѣлались пріятелями. Въ качествѣ пріятеля, я сопровождалъ его иногда въ помѣщеніе, гдѣ хранились минные запасы, и, по моей склонности къ порядку, мнѣ казалось, что тамъ была допущена нѣкоторая халатность по части храненія запасовъ и обращенія съ ними. Безцеремонное обращеніе съ опасными веществами имѣетъ свою хорошую сторону; но и извѣстная педантичность тутъ иногда у мѣста. Конечно, я себѣ не позволилъ слова сказать.

Объ экспедиціи къ Сулину я узналъ всего за часъ—другой до выхода судовъ изъ порта. Только и было времени написать страстную записку адмиралу, умоляя его, какъ о величайшей милости, позволить мнѣ идти, затѣмъ собраться самымъ сумасшедшимъ образомъ и поспѣть на „Константинъ“. Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія, командиръ любезно пригласилъ меня къ своему обѣду, во время котораго очень хорошо разговаривалъ, и затѣмъ отпустилъ меня на миноносецъ Рождественскаго. За кормой „Константина“ были укрѣплены какія-то приспособленія, можетъ быть запасные шести, не помню. Степанъ Осиповичъ пожелалъ осмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ, спустился на рукахъ, по концу, и продѣлалъ на виду у насъ всю

операцию съ значительнымъ гимнастическимъ шикомъ, безъ суеты и окриковъ. До ночи мы шли соединенно, миноносцы за кормой справа и слѣва, причемъ иногда обмѣнивались словечкомъ съ Пушинымъ. Часовъ въ 11, или позднѣе, „Константинъ“ застопорилъ машину, и мы, среди глубокой тьмы, видя лишь звѣзды небесныя, услышали ясный и отчетливый голосъ командира, отдававшего намъ послѣднія приказанія. Словъ не помню, но помню спокойный, вѣрно рассчитанный голосъ, плавную рѣчь и въ заключеніе указаніе, куда идти послѣ атаки, на соединеніе съ нимъ.

Нашъ ходъ былъ такъ рассчитанъ, чтобы подойти къ Сулину въ ближайшее время передъ разсвѣтомъ. Подходили мы самымъ малымъ ходомъ, укрывшись брезентами, съ тѣмъ чтобы дать полный ходъ, какъ только будемъ замѣчены. Меня въ боевую рубку не пустили, ссылаясь на крайнюю тѣсноту, а предложили находиться въ жилой задней каютѣ, причемъ позволили приподнять люкъ и выглядывать. Сверхъ своего бѣлаго костюма я надѣлъ чужое темное пальто и замѣнилъ бѣлую фуражку черной, взятой у кочегара. Чуть начало свѣтать, когда передъ нами смутно обрисовался во мракѣ головной турецкій корабль. Безшумно продолжали мы подползать; во мнѣ все клокотало, я говорилъ себѣ: „вотъ, вотъ сейчасъ—теперь неотвратимо“!.. Вдругъ, среди напряженной тишины, раздался окрикъ турецкаго часового и сверкнула огненная струйка выстрѣла. Въ то же мгновеніе машина застучала, миноносецъ бросился впередъ—обо что-то ударился (мы перескочили черезъ бонъ), меня сбросило съ трапа и ударило люкомъ по головѣ; тутъ же раздался взрывъ, столбъ воды обрушился на палубу и застучали по ней пули и картечь. Все это произошло подъ изступленное біеніе сердца, скорѣе, чѣмъ оно рассказано. Мы уже шли назадъ и вторично миновали бонъ. Мой люкъ захлопнулся такъ плотно, что я не могъ его приподнять, несмотря на отчаянныя усилія. Меня освободили пришедшіе изъ боевой рубки. Стрѣльба прекратилась, стало свѣтать, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ туманъ, такъ что ничего не было видно. Намъ было холодно; мы выпили по рюмкѣ водки и закусили кускомъ хлѣба. Потомъ, обсудивъ положеніе, рѣшили остановиться, подождать и поискать Пушина. Но когда изъ тумана, очень близко, выползло большое турецкое судно, механикъ Канцыревъ бросился въ машину, швырнулъ въ топку кусокъ сала, и мы ушли.

Рождественскій выражалъ надежду, что турокъ хотя не потопленъ, но поврежденъ. Вѣроятноже, однако, что взрывъ по-

слѣдовалъ мгновеніемъ раньше, чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ слой воды въ очень немного футовъ достаточенъ для предохраненія корабля. Мы надѣялись также, что когда подойдемъ къ „Константину“, то увидимъ при немъ и Пущина. Этого, какъ извѣстно, не случилось: миноносецъ № 1 затонулъ во время атаки, и команда была подобрана турками изъ воды. Плѣнныхъ содержали въ Константинополѣ хорошо, и капитанъ нашего флота, герцогъ Единбургскій, посѣтилъ Пущина въ заточеніи и подарилъ ему свои погонны.

„Константинъ“ оказался на назначенномъ мѣстѣ; но, помимо напряженнаго ожиданія насъ, ему пришлось испытать въ эту ночь и собственныя свои тревоги, потому что онъ притыкался къ мели. По принятіи рапорта Рождественскаго, „Константинъ“ пошелъ въ Одессу, мы за кормой, на сей разъ, увы, въ единственномъ числѣ. Для разысканія Пущина были приняты, тотчасъ по нашемъ приходѣ въ Одессу, самыя дѣятельныя мѣры.

Хотя мы не имѣли твердаго убѣжденія въ успѣхѣ нашего взрыва, или нашихъ взрывовъ, и, напротивъ, потеряли свой миноносецъ, но мы были приняты какъ побѣдители. Мы видѣли непріятельскую эскадру, прорвались черезъ загражденіе, подошли подъ жестокимъ огнемъ къ борту корабля и произвели взрывъ, послѣ чего, подъ такимъ же огнемъ ускользнули съ рейда и ушли отъ преслѣдованія. На миноносцѣ были слѣды непріятельскихъ пуль и снарядовъ: нѣсколько царанинъ на палубѣ, труба пробита, у самага иллюминатора боевой рубки—глубокая выбоина, дно все исковеркано. Послѣ полутора мѣсяца безрезультатныхъ военныхъ дѣйствій мы жаждали успѣха. Миноносецъ № 2 повелѣно было именовать „Сулинъ“. Рождественскій получилъ Георгіевскій крестикъ, механикъ Канцыревъ—Владимира, команда—знаки военного ордена. Этотъ знакъ предполагали дать и мнѣ; но я просилъ этого не дѣлать, считая свое офицерское званіе отъ себя неотъемлемымъ и простое подставленіе лба—да еще въ задней каютѣ, подъ люкомъ—не такимъ дѣломъ, которое бы давало офицеру право на награду. Вслѣдствіе этого я и былъ представленъ къ возвращенію чина. Знакомые насъ чествовали. За дружескимъ обѣдомъ, изъ четверыхъ участниковъ коего живъ теперь одинъ я, мнѣ пожелали быть вскорѣ во главѣ передового отряда за Дунаемъ.

Пущину и его командѣ тѣ же отличія были даны по возвращеніи изъ плѣна.

Рождественскій, бравый, добрый, трогательно-простодушный, былъ вообще очень любимъ. Но не напрасно я выше упомянулъ

о нѣкоторыхъ недочетахъ по части храненія и осторожности въ обращеніи съ опасными веществами. Участникъ экспедиціи, старшій минный унтеръ-офицеръ, пользовался запалами для глушенія рыбы, и одинъ изъ такихъ запаловъ взорвался у него между ногъ. Я прибѣжалъ въ госпиталь, когда надъ нимъ работали доктора. Страшно было видѣть обнаженное мясо, кости, встрѣтиться съ его страстно-напряженнымъ взглядомъ. Въ то же лѣто, при слѣдовапіи въ Николаевъ, по недосмотру помощника механика, на минопосцѣ взорвался котелъ, и Рождественскій погибъ вмѣстѣ со всей командой. Тѣла были подняты изъ воды шлюпками съ другого судна и доставлены въ Одессу. Этотъ прискорбный случай произвелъ въ городѣ огромное впечатлѣніе. Тысячныя толпы участвовали въ похоронномъ шествіи. Успѣлъ пріѣхать братъ-близнецъ Рождественскаго, тоже лейтенантъ, такъ что мы видѣли какъ бы воскресшаго, но въ то же время чужого, растеряннаго, никого не узнававшаго человѣка. Этотъ братъ также пожилъ очень недолго. Сколько припомню, вскорѣ умеръ и третій братъ, сухопутный офицеръ.

Генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ несочувственно относился къ партизанскимъ дѣйствіямъ моряковъ, которыя тогда были такъ популярны. Ему непременно хотѣлось проявить боевыя качества поповокъ. Въ этихъ видахъ имъ приказано было выйти въ море съ нѣсколькими развѣдочными судами, изъ числа бывшихъ коммерческихъ, подъ флагомъ адмирала Чихачова. Определенной цѣли не было указано, а такъ просто испытать качества новыхъ судовъ и посмотреть, не покажется ли непріятель. Онъ не показался; а качества не порадовали. Между прочимъ, крайне неудобной оказалась на новыхъ судахъ температура. На ничѣмъ не прикрытой стальной палубѣ жгло ноги; подъ нею, въ каютахъ жизнь была прямымъ мученіемъ; въ кочегаркѣ она достигала $+ R. 58^{\circ}$. При возвращеніи въ Одессу, палуба была прикрыта толстой деревянной настилкой и приняли другія, какія возможно было, мѣры. Затѣмъ, отрядъ вторично выходилъ въ море, на этотъ разъ съ определенной цѣлью конвоированія и введенія въ Дунай нашихъ мортирныхъ баржъ, что и было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Въ обоихъ этихъ выступленіяхъ я состоялъ при адмиралѣ.

Читатель уже знаетъ, что подъемъ духа, проявленный русскимъ обществомъ въ связи съ войной, бралъ верхъ въ моемъ представленіи надъ всѣми тѣневыми ея сторонами. Такому взгляду на вещи несомнѣнно способствовало то, что я переживалъ перипетіи войны въ хорошемъ дружескомъ русскомъ кругу, близко

связанномъ съ арміей. Присутствію въ ней Государя я придавалъ огромное значеніе, какъ въ нравственномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; вѣрилъ, что оно по достоинству оцѣнено всей Россіей, и надѣялся на немедленное объявленіе амнистіи, которая бы положила конецъ смутѣ послѣднихъ лѣтъ. Не знаю, конечно, многіе ли раздѣляли эту надежду; но во всякомъ случаѣ она оказалась ребяческой. Въ направленіи политики правительства не послѣдовало никакой перемѣны, ни тогда, ни съ тѣхъ поръ, кромѣ какъ въ сторону усиленія репрессій, соотвѣтственно чему и продолжало непрерывно ухудшаться общее положеніе вещей. Какимъ образомъ можно имъ удовлетворяться и не видѣть, чѣмъ оно угрожаетъ въ будущемъ, быть можетъ очень близкомъ — въ особенности въ случаѣ европейскихъ усложненій, — этого, конечно, простому смертному никогда не понять.

Въ началѣ декабря 1878 г., адмиралъ Чихачовъ поѣхалъ въ Петербургъ и взялъ меня съ собою. Для окончательнаго выясненія и закрѣпленія моихъ правъ, я счелъ нужнымъ представиться главному начальнику III отдѣленія А. Р. Дрентельну, бывшему измайловцу и пріятелю Н. Н. Обручева, во время службы въ полку, видѣвшему, кажется, и меня въ измайловскомъ мундирѣ. Онъ принялъ меня дружелюбно и сказалъ, что въ моемъ правѣ жить въ столицахъ не могло быть никакого сомнѣнія. Съ его разрѣшенія мнѣ тогда же возвратили мой указъ объ отставкѣ, съ надписью о всемъ послѣдовавшемъ съ тѣхъ поръ до возвращенія чипа включительно. Вышилъ изъ дѣла и отдалъ указъ чиновникъ, лицо котораго мнѣ было памятно по 1861 году и очень мало съ тѣхъ поръ измѣнилось.

Первыя мои петербургскія впечатлѣнія были не изъ пріятныхъ. Одѣтый по южному, я жестоко прозябъ на пути въ „Европейскую гостинницу“. Улицы всѣ казались незнакомыми, вплоть до Периннаго ряда. Но когда я облекся въ хорошее, сшитое для Петербурга платье и теплое пальто и отправился на Васильевскій Островъ, къ сестрѣ, я почувствовалъ приливъ счастья отъ мысли, что иду по петербургской панели.

Пріемомъ родни я могъ быть вполне доволенъ; но съ особенной, душевной благодарностью долженъ помянуть пріемъ любящей и доброй воспитательницы моихъ корпусныхъ лѣтъ, М. Л. Обручевой, пожелавшей придать моему возвращенію въ ея домъ характеръ семейнаго торжества, къ которому были приглашены всѣ бывшіе въ Петербургѣ родные. Пріятно было также повидаться съ лицами, съ которыми былъ въ добрыхъ отношеніяхъ во время войны, и которыя еще помнили это время.

На праздники адмиралъ уѣзжалъ въ Одессу, но затѣмъ мы вторично прибыли въ Питеръ, и чрезвычайнѣйшее, по тому времени, происшествіе взрыва въ Зимнемъ дворцѣ послѣдовало при насъ. Публика, съѣзжавшаяся къ молебну на слѣдующій день, видѣла еще многіе слѣды разрушенія. По моему, господствующимъ чувствомъ, возбужденнымъ въ скучающихъ сытыхъ сферахъ, была жажда скандала, причемъ сплетня и злоба не останавливались передъ самыми нелѣпыми обвиненіями. Тонъ дневника Валуева, т.-е. сознаніе потери почвы подъ ногами, растерянности и предчувствіе бѣды, мнѣ кажется, вѣрно выражаетъ общее настроеніе.

Одинъ изъ извозчиковъ, стоявшихъ у подъѣзда гостиницы, и стало быть нерѣдко возившій иностранцевъ, сказалъ мнѣ, когда мы съ нимъ поѣхали на слѣдующій день:—Что жъ это? Теперь надъ нами всѣ смѣяться будутъ за-границей!

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ, я былъ на литературномъ вечерѣ, гдѣ мнѣ всего болѣе хотѣлось услышать М. Е. Салтыкова. Онъ выступилъ больной, мало пригодный для поклоновъ съ эстрады, и хотя былъ встрѣченъ горячо, но чтеніемъ своимъ не могъ увлечь. Если не ошибаюсь, тогда же читалъ и Тургеневъ, также не вызвавшій особеннаго восторга. Но затѣмъ, въ первый разъ въ жизни, я увидалъ и услышалъ Достоевскаго. Онъ всегда былъ мнѣ настолько несимпатиченъ, что я немногія его вещи могъ дочитать до конца. Чтобы не мучиться, не бралъ въ руки даже такихъ его вещей, гдѣ завѣдомо имѣются божественныя страницы. Въ этотъ вечеръ онъ читалъ исповѣдь Дмитрія Карамазова—быть можетъ, частью, исповѣдь своей собственной недоброй, мрачной души,—способной, однако, къ высшимъ просвѣтлѣніямъ,—и я былъ покоренъ, восхищенъ совершенно такъ же, какъ и вся публика, предавшаяся неудержимому, бурному восторгу...

Вскорѣ по возвращеніи въ Одессу, я увидѣлъ генерала Тотлебена, въ экипажѣ, окруженномъ конными жандармами. Къ чести защитника Севастополя скажу, что онъ не сидѣлъ перегнувшись впередъ и пытливо не всматривался въ встрѣчныхъ прохожихъ, а напротивъ, откинувшись на подушки и зѣвалъ во весь ротъ. Поразительна настойчивость, съ которою мы, по всякому поводу, и даже безъ всякаго повода, стараемся лишить лучшихъ нашихъ генераловъ добраго имени, купленнаго дорогой цѣной, приставляя ихъ къ работѣ имъ несвойственной, въ явный ущербъ прямому ихъ дѣлу. Администраторъ, не знающій ни одной строки закона, можетъ быть только игрушкой въ рукахъ

другихъ лицъ, и большею частью лицъ дрянныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ скоро превращается въ затворника, одолѣваемаго шкурнымъ инстинктомъ и изъ всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ интересующагося единственно донесеніями сыщиковъ. При такихъ условіяхъ нельзя съ пользою командовать войсками, ибо въ Писаніи сказано, что лучше армія зайцевъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая зайцемъ. Высшія задачи военного дѣла, облагораживающія воздѣйствія военной среды, слишкомъ не ладятся съ духомъ сыска. Побѣда немыслима безъ самоотверженія, безъ сознанія святости совершаемаго подвига и убѣжденія въ томъ, что имя помянется съ любовью. Защитнику отечественной святыни, въ настоящемъ и прошломъ, не пристало быть заодно со всей грязной накипью народной жизни, съ смрадными наростами на народномъ тѣлѣ. Еще менѣе пристало ему имѣть противъ себя все лучшее въ народѣ, въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, въ каждой семьѣ, въ каждой церкви — по крайней мѣрѣ въ тѣ минуты, когда душами обычной, кощунствующей толпы овладѣваетъ спасительный и искупающій образъ всеблагого Христа. Какимъ презрѣннымъ существомъ надо быть, чтобы идти противъ голоса лучшихъ писателей всѣхъ народовъ, не стыдиться выступающаго на лбу братоубійственнаго Каинова клейма и не чувствовать проклятія собственныхъ дѣтей! Такимъ ли отверженцамъ водить войска къ побѣдѣ?

А если допустить, что въ нашъ вѣкъ дореформеннаго успокоенія ни у кого никакихъ человѣческихъ чувствъ быть не можетъ и не должно, то, все-таки, гдѣ же указаніе, чтобы люди, привыкшіе свирѣпствовать противъ безоружныхъ, въ виду немедленнаго вслѣдъ за тѣмъ насилуванія и грабежа, могли оказаться пригодными для дѣйствій противъ армій обученныхъ, снабженныхъ и вооруженныхъ по-европейски? Положимъ, мы себѣ на умѣ, вольной волей на войну ни за что не пойдемъ; понимаемъ, что нельзя; станемъ упираться, все стерпимъ, но не пойдемъ. Однако, могутъ вѣдь и заставить. И тогда страшно подумать, какія „Débauches“ и „Châtiments“ занесутся во всемірную исторію.

Для всѣхъ, безъ сомнѣнія, было бы лучше, еслибъ у насъ имѣлись генералы, способные отказаться отъ несоотвѣтственной сыскной работы и отъ выдаваемыхъ за оную крупныхъ подѣмныхъ денегъ... Но о такихъ генералахъ не слышно. Напротивъ, еще въ началѣ войны, князь Мещерскій, бывшій ея противникомъ, видѣлъ въ ней ту хорошую сторону, что она выдѣлитъ людей, способныхъ скрутить любую губернію. Увы! онъ не ошибся.

Въ 1879-мъ году, по совершенно личнымъ, интимнымъ причинамъ, я рѣшился оставить Одессу и возвратиться къ прежнему пролетарскому существованію. Предполагая, что мое рѣшеніе можетъ еще измѣниться, Н. М. Чихачовъ, всегда крайне добрый ко мнѣ, предложилъ мнѣ повременить, взять заграничный отпускъ и затѣмъ, въ ноябрѣ, встрѣтить его въ Парижѣ, для сопутствованія ему въ поѣздѣ въ Лондонъ и на нѣкоторые англійскіе заводы. Съ нимъ же я и вернулся въ Россію, но отъ границы получилъ новую командировку въ Петербургъ, и только весной 1880 г. вернулся въ Одессу, гдѣ и послѣдовали мое увольненіе отъ службы въ „Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли“ и моя разлука съ начальникомъ, которому во всяческомъ отношеніи я такъ много былъ обязанъ.

Во время бытности Н. М. Чихачова въ Лондонѣ, ему пришлось встрѣтиться съ А. А. Поповымъ, который пріѣхалъ въ Англію съ М. И. Кази, для заключенія контракта на постройку царской яхты „Ливадія“, предназначавшейся для Чернаго моря взамѣнъ разбившейся у мыса Тарханхута ея соименницы. Вполнѣ возможно, что встрѣча была условлена заранѣе; но во всякомъ случаѣ оба адмирала остановились въ одной гостинницѣ „Victoria Hotel“. Андрей Александровичъ желалъ, чтобы мы всѣ обѣдали за однимъ столомъ, въ общей залѣ, и Николай Матвѣевичъ согласился было на это; но такое насильственное сближеніе скоро показалось ему неудобнымъ, и онъ отретировался со свитою въ свой номеръ, несмотря на убѣжденія А. А. Попова, который его укорялъ въ необщительности и отсталости отъ порядковъ заграничной жизни. Яхта была уже заказана заводу Пирса въ Глазго; оставалось только вырѣшить нѣкоторыя контрактныя подробности. Она была дальнѣйшимъ развитіемъ мысли о поповкахъ, но уже не круглая, а овальная, съ заостреннымъ образованіемъ носа и кормы, трехъ-винтовая, съ значительнымъ ходомъ. Предполагалось отсутствіе качки и проектировано было такое удобство жилыхъ помѣщеній, что въ насмѣшку говорили о манежѣ и бульварѣ для прогулокъ. Андрею Александровичу хотѣлось склонить Николая Матвѣевича къ заказу судна того же типа для „Русскаго Общества“. Предварительныя убѣжденія были поручены одному изъ состоявшихъ въ свитѣ корабельныхъ инженеровъ, а затѣмъ устроено было засѣданіе, въ которомъ и мнѣ данъ былъ стулъ, и поведена была съ разныхъ сторонъ самая настойчивая атака. Н. М. не входилъ въ пререканія относительно качествъ, стоимости и коммерческой выгоды судовъ рекомендуемаго типа; но твердо стоялъ на томъ, что ихъ раз-

мѣры не позволятъ имъ входить ни въ существующіе порты, ни въ существующіе доки, и собесѣдованіе не привело ни къ чему. А. А. съ недобрымъ взглядомъ круто оборвалъ свою рѣчь, скомкалъ бывшій предъ нимъ листъ бумаги и бросилъ по направлению къ корабельному инженеру съ окрикомъ:

— Вы понимаете, что это значить!?

Нѣсколько дней спустя, намъ пришлось и увидеть „Ливадію“ въ Глазго, т.-е., собственно, одинъ клѣтчатый переплетъ ея дна, причемъ строитель, тогда молодой и бойкій, объяснялъ Николаю Матвѣевичу разныя подробности постройки. Тутъ же, на водѣ была и игрушечная модель яхты изъ краснаго дерева. Послѣ отставки А. А., ее потомъ сожгли. Погода была скверная, съ рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ; а между тѣмъ, въ этотъ самый день, семидесятилѣтній Гладстонъ говорилъ на открытомъ воздухѣ, передъ избирателями Глазго, двухъ-часовую рѣчь!

Забѣгу на нѣсколько лѣтъ впередъ и расскажу еще объ одной встрѣчѣ съ А. А. Поповымъ на чрезвычайно эффектныхъ маневрахъ практической эскадры подъ флагомъ адмирала Чихачова, въ 1888-мъ году. Андрей Александровичъ былъ старшимъ посредникомъ, и его принимали на адмиральскомъ кораблѣ съ почестями, представили офицеровъ, предложили поздороваться съ командой. Года прошли съ тѣхъ поръ какъ онъ въ послѣдній разъ былъ на палубѣ и говорилъ съ матросами. Трогательно было видѣть его счастье, когда онъ медленно обходилъ строй, по своему обыкновенію безъ шапки, и здоровался съ каждой частью. Онъ входилъ въ роль, и когда приставалъ къ трапу, слышно было съ корабля, какъ онъ, попрежнему муштровалъ мичмана на рулѣ. Офицеры постарше молодѣли, слыша этотъ голосъ, напоминавшій „милое прошлое“, молодость; подбѣгали къ борту, чтобы увидѣть и услышать, весело переглядывались со словомъ: „Опять!“ На одномъ изъ судовъ онъ поговорилъ съ артиллерійскимъ офицеромъ, а потомъ взялъ меня подъ руку, отвелъ въ сторону и тихо сказалъ: „Онъ ужъ недѣлю на суднѣ и не знаетъ своихъ пушекъ. Какъ это нехорошо, какъ это нехорошо!“

Ко мнѣ онъ всегда очень благоволилъ, съ первой встрѣчи; приглашалъ обѣдать, заходилъ въ мою маленькую квартирку, сошкосьничалъ, добылъ мнѣ отъ персидскаго шаха орденъ Льва и Солнца. Тутъ онъ попросилъ, чтобы, по окончаніи маневровъ, меня назначили къ нему въ секретари. Я взялъ надежнаго писаря, перебрался на „Мининъ“, гдѣ помѣстился Андрей Александровичъ, и къ утру отчетъ былъ готовъ, причемъ А. А. нѣсколько разъ въ теченіе ночи приходилъ къ намъ, въ громад-

ный залъ адмиральскаго помѣщенія, для указаній и исправленія работы. Таковы были обычныя условія работы при немъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ видѣлъ я его и въ гробу: совсѣмъ уже смиренный старенькій старичокъ.

Лондонская встрѣча принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ одесскому кругу моихъ воспоминаній; ближайшимъ пріятелемъ моихъ тамошнихъ лѣтъ былъ сослуживецъ по „Русскому Обществу“ Ф. И. Бларамбергъ—человѣкъ, о которомъ всѣ, знавшіе его ближе, не могутъ вспоминать иначе, какъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Другихъ онъ могъ смущать своей чрезвычайной выложенностью, отличнымъ французскимъ языкомъ и проглядывавшими иногда въ его обращеніи оттѣнками высокомерія или пренебреженія, которое сквозить у придворныхъ или штабныхъ людей сквозь всякую ихъ вѣжливость или школьпическія, какъ бы товарищескія выходки. Такимъ придворнымъ или штабнымъ человѣкомъ онъ и былъ по существу, какъ родственникъ Чихачовыхъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ, элегантный танцоръ, пемножко музыкантъ и въ то же время секретарь „Русскаго Общества“, пользовавшійся безусловнымъ довѣріемъ директора. Какъ придворному, ему правилась извѣстная безпредметность суеты, къ которой онъ могъ бы относиться съ легкой насмѣшкой. Какъ секретарь, онъ не писалъ длинныхъ бумагъ, но превосходно владѣлъ записной книжкой и цвѣтными карандашами, и principiалъ могъ быть увѣренъ, что ни одна бумага не залежится, ни одно слово не ускользнетъ отъ внимательнаго монокла и не останется неподчеркнутымъ надлежащимъ карандашомъ, памятная выметка всегда будетъ въ свое время подана, должное напоминаніе всѣмъ, кому слѣдуетъ, послано и со всѣми, съ кѣмъ слѣдуетъ, будетъ въ надлежащемъ тонѣ переговорено. Онъ изумительно умѣлъ распоряжаться курьерами и сторожами, и въ каждой гостиницѣ всегда находилъ преданныхъ рабовъ, которые ему прислуживали лучше, нежели другимъ.

Одинъ изъ нашего русскаго круга, онъ бывалъ въ богатыхъ греческихъ домахъ, можетъ быть ради двухъ-трехъ элегантныхъ гречанокъ, или потому, что тамъ хорошо кормили, или просто потому, что это было полезно въ интересахъ дѣла.

Но все это—одна внѣшность; а сущность—въ томъ, что онъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты и нѣжности душевной, рыцарски вѣрный своимъ привязанностямъ, всегда готовый помочь кому и чѣмъ только могъ. Оттого и были такъ печальны послѣдніе годы его жизни. Онъ болѣлъ, сердечно и мучительно, не только личными своими огорченіями, но и огорченіями близкихъ ему людей,

а такихъ огорченій было въ послѣдніе годы такъ много, и слѣдовали они такъ непрерывно одни за другими, что онъ наконецъ не вынесъ ихъ гнета. Отрадою его лучшимъ чувствамъ могло, по крайней мѣрѣ, служить то, что ближайшіе его сердцу остались ему вѣрны до конца и окружили послѣдніе дни его жизни самой нѣжной и преданной заботливостью.

III.—Послѣдніе годы.

Мое пролетарское существованіе послѣ оставленія службы въ „Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли“ продолжалось почти четыре года: съ мая 1880-го по февраль 1884-го года. Большую часть этого времени я провелъ въ Петербургѣ; но въ поискахъ рабочаго уединенія и дешевизны живаль по мѣсяцамъ въ разныхъ мѣстахъ: въ имѣніи моего друга Плена (лѣто 81 г.), въ Новгородѣ (конецъ зимы и весна 82 г.), въ Любани (вторая половина 82 г.), наконецъ за-границей (почти весь 83-й годъ) и въ Твери. Въ первые полтора года я заработалъ всего около тысячи рублей, включая даже гонораръ за „Расчетъ“, написанный ранѣе. По газетнымъ отзывамъ и по нѣсколькимъ привѣтливымъ словамъ Г. З. Елисеева я могу сказать, что этотъ очеркъ имѣлъ извѣстный успѣхъ. Послѣ него и до конца 81 года мнѣ удалось помѣстить только одну статью въ „Вѣстникѣ Европы“, о послѣднихъ изслѣдованіяхъ Африки. Затѣмъ, раннею весною 82 г., написана была въ Новгородѣ „Прикащикья Выучка“, по поводу которой я получилъ крайне лестное письмо — первое и единственное полученное мною выраженіе литературнаго сочувствія. Въ маѣ и іюнѣ 82 г. написана была для „Отечественныхъ Записокъ“, по заказу Н. К. Михайловскаго, статья о французскомъ приходскомъ духовенствѣ въ концѣ XVIII вѣка, которую я писалъ съ значительнымъ увлеченіемъ и считаю не безынтересной по нынѣшнимъ временамъ („От. Зап.“, іюль 83 г.). Позднѣе, въ Любани, была написана также полезная статья о Фрейлигратѣ для „Вѣстника Европы“ (дек. 82 г.). Въ январѣ 83 г., послѣ кончины матушки и потери двухъ главныхъ моихъ привязанностей, глубоко огорченный, одинокій, всегда чувствовавшій, что даютъ мнѣ и принимаютъ отъ меня работу съ оттѣнкомъ благотворительности, я надумался уѣхать на нѣкоторое время за-границу и жить корреспонденціями. Со стороны другого это могло бы быть и недурной выдумкой; но съ моей это было прежде всего малодушіемъ, бѣгствомъ отъ всего, что

меня угнетало, и притомъ бѣгствомъ, совершаемымъ на занятія деньги (отданныя черезъ годъ). Я долженъ былъ сообразить, что во мнѣ нѣтъ никакихъ корреспондентскихъ и репортерскихъ дарованій: общительности, безразличной любознательности свободного разговора со всякимъ встрѣчнымъ, наглости въ появленіяхъ и разспросахъ; что я глубоко равнодушенъ ко всему, что не подходить къ моему настроенію, къ кругу моихъ мыслей въ данное время. Натура непреодолимо сказалась и во время этихъ мѣсяцевъ бѣдствующаго заграничнаго странствія. Поѣхалъ за репортерствомъ, а написалъ выстраданное не въ одинъ годъ „Прощаніе“ со всѣмъ, что любилъ въ жизни или что любилъ больше всего. Оно было принято къ напечатанію подъ псевдонимомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но не появилось вслѣдствіе закрытія журнала.

Между тѣмъ матеріалъ для фельетоновъ или писемъ представлялся въ изобиліи: Голландія — туманный, Рюнсдалевскій пейзажъ, ряды оголенныхъ до верху деревьевъ, съ наклономъ въ одну сторону, поразительная, математически правильная обработка cadaго клочка земли, довольство населенія, крупныя, солидныя постройки своеобразнаго типа, высокіе, островерхіе кирпичные кирхшпили съ пѣтухомъ-флюгеромъ, далеко видные и столь удобные для мгновенной сигнализаціи изъ края въ край, красивые загородные дома или замки богатыхъ людей, иногда на холмахъ, окруженные темными сосновыми рощами; на станціяхъ—сахарный песокъ вмѣсто колотаго сахара и небравая выправка и обмундировка солдатъ; наконецъ, Роттердамъ, магазины, набережныя и портовые устройства.

На пароходѣ въ Гаричъ—жестокій ночной штормъ, причинившій нѣсколько крушеній, геройская борьба со стихіями на обледенѣлой палубѣ, въ осеннемъ пальто и пледѣ, наконецъ отступленіе въ каюту и окончательная гибель. Продолженіе адскаго холода въ вагонѣ, прибытіе въ Лондонъ въ пять часовъ утра, пѣшеходное странствіе съ носильщикомъ, отказъ въ приѣмѣ въ трехъ ближайшихъ гостинницахъ, приѣмъ въ четвертую въ состояніи полного изнеможенія. Благодѣтельница—молодая расторопная горничная—моментально устраиваетъ теплую ванну, ведетъ туда, все заботливо раскладываетъ, наставительно объясняетъ. Какое блаженство въ теплой водѣ для прозябшаго насквозь, послѣ трехъ дней пути! Какъ прискорбно—не имѣть средствъ для достойной благодарности! Затѣмъ—Лондонъ: парламентъ, прелестное лицо лорда Солсбери въ одушевленной бесѣдѣ съ рыжимъ господиномъ грубой наружности, самое джентльмен-

ское, умное и красивое лицо, какое мнѣ случалось видѣть; Уэст-минстерское аббатство, Британскій музей, читальный залъ Библиотеки, куда ходилъ за 6—7 верстъ изъ Bayswater, Notting Hill (переулка не помню); Національная Галерея, парки, четы, обнявшіяся на скамейкахъ, иногда закрывшись плащемъ или палью; Тоуэръ, тамошніе вѣроны; по воскресеньямъ—церкви, проповѣдь кардинала Маннинга, лицемѣрная модная англиканская церковь, вечерняя проповѣдь въ передовой Chapel—нѣсколько ярусовъ мѣстъ для публики, противный, ломающійся модный проповѣдникъ, при немъ запѣвало съ возмутительно фальшивымъ голосомъ при самодовольной улыбкѣ; улицы, магазины, неказистый домъ, гдѣ жилъ лордъ Биконсфильдъ, котораго я любилъ и о которомъ могъ бы наболтать много, въ особенности въ противопоставленіе его Гладстону; политическія бесѣды за обѣдомъ въ пансіонѣ и праздничные *petits jeux* у хозяйки, ради дочки, четырнадцатилѣтняго подростка. Театровъ, увеселеній, окрестностей—никакихъ; мнѣ доступно было только даровое или почти даровое. Но программа и такъ достаточная, вся добросовѣстно продѣланная, подлинная. Но ни тогда, ни потомъ не написано было ни строки. И такъ какъ пансіонъ стоилъ все-таки двадцать-пять шиллинговъ въ недѣлю, то черезъ нѣсколько недѣль мнѣ пришлось бѣжать изъ Лондона въ ужасающую мансарду въ Латинскомъ кварталѣ, съ подъемнымъ окномъ прямо въ небо, тогда какъ февраль и мартъ были во Франціи исключительно холодные. Но и тамъ держаться оказалось не по карману, и я перебрался въ Этампъ (50 верстъ отъ Парижа), гдѣ въ мартѣ и было дописано „Прощаніе“. Мысли о самоубійствѣ я не имѣлъ; но жилъ подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ, что домотался и, такъ или иначе, долженъ отъ безкормицы и холода захворать и прекратиться. О состояніи моего духа въ эту пору жизни всего нагляднѣе дадутъ понятіе слѣдующія вступительныя страницы къ „Прощанію“. Теперь, когда достовѣрно извѣстно, что я не прекратился, а живъ по настоящее время, онѣ могутъ показаться бутафорскими, — но онѣ *были пережиты* и представляются какъ подлинный документъ. Не имѣло бы смысла пересочинять ихъ теперь на болѣе подходящій ладъ.

Итакъ, я писалъ тогда:

„Кстати прились эти вечернія шесть верстъ, изо дня въ день, въ слякоть, въ дождь, въ вѣтеръ. Съ пользой прочувствовалъ, въ какой видъ сапоги должны придти, насколько штаны загадятся, и не напрасно постигъ, что въ обстоятельствахъ настолько

бѣдственныхъ нечего и покушаться раскрывать дряхлый зонтикъ. Мимо всего пролегалъ путь. Конца не было расцвѣченнымъ лавкамъ и толкотнѣ, и грому экипажей. Потомъ, опять безъ конца, пошли темныя стѣны садовыхъ оградъ и надъ ними, въ мокрой мглѣ, черныя вѣтви оголенныхъ деревьевъ. Глухо, жутко тутъ было: завыванія вѣтра явственно слышались, и лишь изрѣдка выступали изъ мрака, въ мгlistый свѣтъ фонари, прохожіе въ борьбѣ со стихіями. Потомъ замелькали ласково окна пріютныхъ дачныхъ домиковъ, и потянулся, наконецъ, послѣдній, мрачный переулокъ. И все это, разное и непохожее, отдавалось въ сердцѣ однимъ звукомъ—однимъ, давно наболѣвшимъ, мучительнымъ сознаніемъ безпріютности, дикаго, бессмысленнаго одиночества.

„Потому говорю, что кстати прилась эта старая музыка, что очень ужъ наглядно заставила она понять близость развязки, испугаться; помогла въ то состояніе придти, когда въ жаръ бросаетъ, и сердце сжимается, и холодный потъ выступаетъ на лбу. Въ самомъ вѣдѣ дѣлѣ: день проходитъ—замѣтить нельзя. И вотъ еще немного такихъ же пустыхъ, ничтожныхъ, незамѣтныхъ дней—въ ту пятницу, не дальше—и напускная, убогонькая почтенность должна будетъ замѣниться открытымъ убожествомъ, голоданіемъ, холодомъ, настоящей грязью, грубостью. Учить станутъ новичка; вымещать на немъ давнюю, безразсвѣтную нищету. Пойдутъ нищенскія униженія, выпрашиваніе странныхъ занятій, неумѣлыя натуги, издѣвательство, безответственность. Тутъ и лечь придется, на отвращеніе и въ досаду всѣмъ: тутъ и стонать въ бреду; тутъ и пугать людей послѣднимъ, старающимся постигнуть, взглядомъ, послѣдними, какъ будто человѣческими, вздохами. Отсюда и въ яму свезутъ—и опять надѣлаешь на прощаніе хлопотъ и изъяну людямъ.

„Много лѣтъ прошло въ значительной близости къ этой развязкѣ. Нельзя бы было жить, еслибъ всегда о ней помнить—и не вспоминается она, пока есть мѣсяцъ—другой жизни въ карманѣ. Больше рѣдко бывало; и дальше не привыкъ, не научился заглядывать. Станутъ истекать гроши, испугаешься, замечешься, извернешься, выпросишь у добрыхъ или недобрыхъ людей. Часто выпрашивалъ. И у тѣхъ просилъ, къ кому, пока были деньги, казалось невозможнымъ обратиться. Все-таки не у всѣхъ. Остались двери, въ которыя не стучался. Есть долги, о которыхъ не говорю—безсчетные и неоплатные;—но если сосчитать вотъ эти, съ такими терзаніями выпрошенные гроши—все, что будетъ и что не будетъ отдано—такъ, право, не такія ужъ по-

давяющія кучи насчитаются. Ну, года, ну, двухъ лѣтъ жизни не успѣлъ трудомъ выкупить — бѣдной, убогой жизни... А пропало труда больше — безъ вины пропало: не потому, чтобы онъ не годился.

„Живъ—стало быть, спасался; хотя много разъ казалось, что спасенія нѣтъ. Помню, разъ въ Питерѣ понесъ продавать послѣднія двѣ книжки. Передъ тѣмъ долго тянулись другія продажи, самыя обидныя; и удрученъ, измученъ я былъ до крайности. Книги были отличныя, т.-е. такія, на которыя спросъ ежедневный. Стоили онѣ четыре съ полтиной, а предложили мнѣ сразу рубль семьдесятъ-пять копѣекъ. Я все-таки сказалъ: „Пожалуйста, нельзя ли два?“ — и букинистъ сразу хлопнулъ книгами по прилавку, откинулъ ихъ въ сторону и выложилъ два рубля. Я вдругъ замолился: — „Дай вамъ Богъ добраго здоровья, счастливо торговать!..“ — и самъ испугался своего голоса. Точь-въ-точь вотъ этакъ нищіе благодарятъ на папертяхъ, или вдоль стѣнъ, гдѣ потемнѣе.

„Бѣдствую — хотя насущнымъ хлѣбомъ довольствуюсь немногимъ. Стало быть, виноватъ; стало быть, не сѣумѣлъ пригодиться людямъ; стало быть, денежное банкротство усложняется банкротствомъ нравственнымъ. Но о томъ довольно было сказано, и незачѣмъ теперь упоминать; потому что не оно скрутило: съ нимъ бы еще мыкался. Скрутило, отрезвило, заставило понять близость конца банкротство денежное — невозможность дольше изворачиваться и выпрашивать. Некуда сунуться, ни съ работой, ни съ просьбой: вездѣ рогатка. Продажей послѣдняго рублища двухъ недѣль не проживешь. Надо кончать.

„И понялъ я необходимость приготовиться къ близкому концу именно въ тоскѣ этого безконечнаго вечерняго пути сквозь мглу и слякоть, сквозь шумъ чужой жизни, мимо приѣтныхъ огней чужого жилья, — когда подъ дождемъ и вѣтромъ заняло сердце сознаниемъ безвозвратнаго, безпощаднаго одиночества.

„Небольшія мои приготовленія: хотѣлось бы только успѣть проститься съ тѣмъ, что всего больше любилъ, что было радостью и смысломъ бытія; что и теперь, при такой пришибленности и при такомъ устраненіи отъ жизни, не даетъ вовсе изсякнуть струѣ чистой, возвышающей радости. А затѣмъ — слабъ я: и жалъ мнѣ себя; и хочется сказать, до какой степени мнѣ больно, что не придется проститься съ горемъ и радостью дома, въ безвѣстной деревушкѣ, въ виду смиреннаго, несказанно близкаго душѣ убожества, встрѣчая глазами участливые взгляды, въ которыхъ такъ понятно теплится братство. Больно, что не бле-

снетъ мнѣ больше молодая улыбка; что не оживить душу еще разъ безхитростная свѣжесть молодой рѣчи. Больно, что не тѣ глаза будутъ всматриваться въ лицо мертвеца; не на тотъ погостъ его свезутъ; не тѣ руки яму выроютъ; не той землей засыплотъ, и что звукъ земли, бросаемой въ могилу, не отдастся въ сердцахъ словомъ прощенія грѣшному и безпутному брату, — ради его мыканія горькаго, и издѣвательствъ судьбы надъ нимъ, и усилій его не быть злодѣемъ.

„Да, „вѣтеръ родного селенія“ не будетъ вѣять надъ могилой; не занесетъ ее, не будетъ пѣть надъ ней тоскливую пѣсню метель, что гудитъ въ сиротливой оградѣ! Въ тихія, чуткія недѣли великаго поста, не выступитъ могила изъ-подъ снѣга привѣтной проталинкой; не проростетъ весенней травкой, не запестритъ цвѣтиками; молодая березынька надъ ней никого не освѣжитъ, не осчастливитъ запахомъ своихъ листьевъ. На выгонѣ, неподалеку, ребятишки не будутъ водить своихъ хороводовъ, кружиться, бѣгать. И по тропѣ торной мимо могилы не станутъ ходить люди въ убогій храмъ, гдѣ и для того, кто прибѣл изъ смрадной разоренной лачуги, теплится признаніе его права на свѣтъ, просторъ, равенство, помощь, возмездіе за неправду. Опозоренъ этотъ храмъ ложью и торгомъ; смутно, немощно болѣла тутъ душа; но все-таки находила отраду и надежду. И празднично распцвѣтала тутъ радость въ молодыхъ сердцахъ. И служила, изъ поколѣнія въ поколѣніе, эта радость и тоска по поруганному праву великимъ связующимъ звеномъ, способнымъ отстоять, способнымъ оградить человѣка среди безграничнаго униженія и темноты.

„Не сдумѣлъ жить среди образовъ и звуковъ родины, такъ хотя бы бугромъ могильнымъ слиться съ ними, — хотя бы крестомъ придорожнымъ надъ отверженнымъ, но прощеннымъ и порой оживающимъ въ чуткой грезѣ прохожихъ...

„Не бывать этому. Только въ собственной мысли будетъ родина; только призраками встанутъ передъ слабѣющимъ взоромъ любимые образы, просторъ далекій вокругъ убогихъ селъ, вѣтерокъ утренній, привѣтный; только въ бреду будетъ подниматься грудь ему навстрѣчу; только въ предсмертномъ шопотѣ будетъ слышаться родная рѣчь. Одинъ заранѣе опушу себя въ свальную яму; одинъ засыплю всѣмъ посторонняго чужою землей.

„И ужъ ежели такъ, ежели не суждено умереть по-человѣчески, спасибо судьбѣ за то по крайней мѣрѣ, что избавила отъ лживаго, продажнаго обряда, отъ вздорнаго участія, отъ соболѣзнованій самодовольныхъ, отъ празднаго всматриванія въ

лицо, безпомощно застывшее въ привычномъ выраженіи страданія.

„Тутъ, все-таки, будетъ легче; униженія и обиды меньше. Навѣрное, меньше лжи.

„Только бы успѣть, только бы смочь проститься!..

„Страшно! Какъ отогнать мысль, что эта попытка прощальнаго общенія съ людьми, въ сущности, затѣя мавіака? Какъ повѣрить, чтобы изъ такой изношенности, опустошенности существа, изъ такого сумбура спутанныхъ и дико мечущихся мыслишекъ, вздорныхъ, дрянныхъ, грязныхъ, изъ этихъ подлыхъ, звѣриныхъ озлобленій, изъ лжи и ненужности всей жизни — могло выдѣлиться чистое, пригодное людямъ слово? Трава вывѣтрившая, хваченная морозомъ, можетъ ли позеленѣть еще разъ? Въ памяти уже поплывшей, страшно случайной, смутной, передъ взоромъ, отъ котораго міръ сталъ уже застилаться, могутъ ли забытые, потускнѣвшіе образы опять воскреснуть въ прежнемъ свѣтѣ и воздухѣ, въ прежнемъ обаяніи любви и восторга? Изъ глазъ померкшихъ, старческихъ, могутъ ли опять политься прежнія, живительныя, молодые слезы?

„А не одолѣешь страха, не отгонишь сомнѣній, не увѣруешь въ себя—слова не вымолвишь. Но только отчаяніе можетъ внушить рѣшимость.

„Близко подкралось уничтоженіе. Дастъ ли еще одну, послѣднюю отсрочку?“

Отсрочка была дана—и на множество лѣтъ, самыхъ неожиданныхъ—причемъ, по отупѣнію чувствъ, свойственному людямъ, которымъ часто подавалась помощь, или по спасительной Микоуберовской способности возникать изъ праха,—я не помню, кто меня тогда выручилъ и какимъ образомъ случилось, что я получилъ чекъ, обезпечившій меня на нѣсколько мѣсяцевъ. При помощи его я перебрался изъ непривѣтливаго Этампа (показался такимъ, потому что было очень холодно; однако я только тамъ испыталъ, что такое благоуханіе фіалокъ во французскомъ лѣсу, въ мартѣ) въ городокъ St.-Florentin (Yonne), гдѣ поселился у отставного булочника, въ маленькой комнатѣ, задняя стѣна которой примыкала непосредственно къ скалѣ и была очень сыра. Платилъ недорого, не помню сколько, а кормиться ходилъ разъ въ день въ гостинницу „Au Cheval-Blanc, гдѣ получалъ за 1 фр. 50 с. супъ, мясное блюдо, десертъ, $\frac{1}{2}$ б. вина и хлѣба по аппетиту. Утромъ и вечеромъ ходилъ къ молочницѣ за чашкой парного молока. Тутъ я завялся — все въ тѣхъ же

корреспондентскихъ цѣляхъ—вопросомъ о народной школѣ, въ которой клерикальное вліяніе тогда еще довольно энергично боролось съ правительственнымъ. Брошюры, сборники пѣсенъ, программы, учебники были у меня припасены еще въ Парижѣ. Теперь я за нихъ принялся, стараясь, какъ умѣлъ, дополнять печатное бесѣдами съ обывателями, учителями, учительницами и священниками въ городѣ и ближайшихъ селахъ. Церковь въ С.-Флорентэнѣ большая, красивая, на холмѣ, устремленная кверху и господствующая надъ маленькимъ, тѣснящимся вокругъ нея городомъ и всею окрестностью. Церковныя службы отправляются какъ должно, съ достаточною торжественностью; но населеніе охладѣло къ храму; рѣдко увидишь священника на улицѣ, и идетъ онъ одинъ, опустивъ глаза въ требникъ, и по сторонамъ не смотритъ. Мой хозяинъ не любилъ духовенства и охотно говорилъ объ его вредности. У него были родные или какія-то дѣла въ Бретани, и онъ возмущался тамошними порядками, грязью и невѣжествомъ, въ которыхъ духовенство держало тамъ народъ. Особенно возбуждали его негодованіе какіе-то невѣроятно дикіе погребальныя обряды (у Мопассана есть подобный разсказъ о крестинахъ), какіе-то черепа, пиршества, гдѣ сидятъ по краямъ вырытыхъ канавъ, вшивость и постоянные, со всего, поборы въ пользу духовенства. Они всячески мѣшаютъ населенію учиться по-французски и поддерживаютъ грубое мѣстное нарѣчіе, причемъ имъ во всемъ помогаетъ дворянство, пользующееся незаконнымъ вліяніемъ. Этотъ разсказъ я слышалъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, да и разсказчикъ, быть можетъ, говорилъ о давно прошедшемъ, такъ что теперь положеніе вещей, по всей вѣроятности, существенно измѣнилось. Край, въ которомъ находится С.-Флорентэнъ (деп. Іонны), называется *petite Bourgogne*, и по справедливости можетъ быть названъ благодатнымъ краемъ. Высокихъ винъ тутъ нѣтъ, хотя Шабли и Нюи очень недалеко, но виноградниковъ множество, и они содержатся съ поразительнымъ тщаніемъ. Каждый кустикъ нѣсколько разъ въ годъ подвергается сложнымъ и кропотливымъ манипуляціямъ. Вина выдѣлывается такъ много, что полевые работники на хозяйскихъ харчахъ требуютъ по два литра въ сутки. Мягкостью климата и необходимостью множества работъ, не требующихъ большой физической силы, объясняется тотъ фактъ, что во Франціи рабочій возрастъ продолжается много долѣе, чѣмъ у насъ. Согбенные вдвое, совсѣмъ окостенѣлые или одеревенѣлые старики и старухи все еще работаютъ. Я это видѣлъ и въ Этампѣ, который снабжаетъ париж-

скій рынокъ произведеніями своихъ огородовъ. Рабочая обмундировка, конечно, самая упрощенная: штаны и рубаха, всего чаще разстегнутая; шляпы съ самыми живописными изъянами, или фуражки. Одѣтые такимъ образомъ люди, обѣдая или играя засаленными картами въ гостинницѣ „Au Cheval Blanc“, нерѣдко говорили объ очень крупныхъ суммахъ по оборотамъ или наслѣдствамъ. А разъ, въ политическомъ разговорѣ, по вопросу о партіяхъ и распряхъ, одинъ сѣдой рабочій, съ открытымъ, умнымъ лицомъ, поразилъ меня словами: „Prenez garde qu'il ne nous arrive comme à la Pologne!“

Въ настоящее время, эти слова имѣли бы, конечно, для русскаго, еще гораздо большую поразительность, нежели тогда, въ виду даровитости и добраго сосѣдскаго къ намъ вниманія преемника Фридриха II.

При передвиженіяхъ, мелкій торгующій людъ облачается поверхъ костюма въ длинную синюю блузу. Когда тепло, средней руки обыватели не стѣсняются расхаживать по городу безъ скуртуковъ или пиджаковъ. Въ костюмѣ женщинъ, рабочихъ или мелко-промышленныхъ классовъ, господствуютъ голубоватыя тѣни простыхъ, прочныхъ холстинокъ. Излишне пояснять, что красивыя молодыя дѣвушки и въ этомъ строгомъ облаченіи прелестны.

Въ доказательство культурности края приведу слѣдующіе факты:

Всѣ говорятъ хорошимъ французскимъ языкомъ, лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ближе къ Парижу. Всѣ обуты, и взрослые, и дѣти. У всѣхъ есть носовые платки. Не видалъ ни одного безобразно пьянаго (стѣснительныя для пьющихъ полицейскія распоряженія, вывѣшиваніе которыхъ въ трактирахъ обязательно, обыкновенно помѣщаются высоко подъ потолкомъ). Одинъ только разъ видѣлъ, какъ человѣкъ изступленно билъ лошадь. По деревнямъ собаки на прохожихъ не лаютъ. Въ праздникъ, на дѣтяхъ скромныхъ, небогатыхъ семей видишь хорошенькіе нарядные костюмчики. Въ домахъ масса мебели, мѣдной посуды и бѣлья въ глубокихъ, солидныхъ шкапахъ.

Я прожилъ въ С.-Флорентѣнѣ около трехъ мѣсяцевъ; но какъ ни старался выжать что-нибудь путное изъ своего матеріала по школьному вопросу, у меня изъ всей моей статистики, выборовъ и подсчетовъ, ничего не выходило, и хотя я уже не впадалъ въ такое страстное отчаяніе, какъ зимою, но все-таки мучительно обдумывалъ пути и средства къ возвращенію въ Россію и полученію заказной работы. Не знаю, до чего бы я додумался, и удалось ли бы мнѣ вывернуться, когда вдругъ, въ

іюлѣ, я получилъ отъ кузины М. Н. Обручевой, жены Николая Николаевича, настоятельнѣйшее приглашеніе провести конецъ лѣта въ ихъ имѣніи, близъ Перигё. Приглашеніе сопровождалось деньгами, и мнѣ въ данныхъ обстоятельствахъ устоять противъ соблазна было тѣмъ труднѣе, что мои отношенія къ обоимъ супругамъ были не только родственными, но и самыми дружескими. Тетенька, какъ я называлъ кузину, меня въ то время очень любила. Приглашеніе шло изъ Петербурга и, вѣроятно, въ корнѣ его лежало желаніе развлечь тетеньку въ виду затрудненій, которыя заставляли опасаться, что обычный осенній отпускъ Николая Николаевича окажется въ томъ году невозможнымъ, — какъ оно въ дѣйствительности и случилось. Я отвѣчалъ радостнымъ согласіемъ, отправилъ багажъ впередъ, а самъ рѣшился сдѣлать большую пѣшеходную экскурсію по живописной и сравнительно дикой мѣстности Морвана, съ рыболовной корзиной черезъ плечо и бѣлымъ зонтикомъ на синей подкладкѣ, называемымъ „bain de mer“. Точнаго маршрута не помню; но знаю, что провелъ сутки или больше въ мѣстечкѣ Pontaubert, гдѣ Бедекеръ рекомендуетъ дѣйствительно прелестную прогулку по берегу ручья; былъ въ Шабли; былъ въ Ираиси, гдѣ разводять усовершенствованными способами превосходныя вишни и гдѣ въ маленькомъ трактирчикѣ, весь персоналъ котораго ограничивался однимъ молодымъ человѣкомъ, пообѣдалъ и весело распилъ съ нимъ двѣ бутылки очаровательнаго мѣстнаго вина. Ночевать я, однако, тамъ не остался, а прошелъ по маршруту еще порядочное разстояніе. Одинъ переходъ у меня былъ около 50 верстъ, и такъ какъ я выступалъ утромъ очень рано, то имѣлъ время отдохнуть, и не могу сказать, чтобы слишкомъ усталъ. Въ одно мѣстечко, на берегу рѣки, я пришелъ очень поздно, и меня никуда не пустили ночевать, такъ что я отправился на желѣзнодорожную станцію и тамъ легъ на скамью съ своей корзиной вмѣсто подушки. Въ лѣтнемъ пиджакѣ было очень холодно. Черезъ нѣсколько времени, пришелъ неблагонадежной наружности молодой человѣкъ — точнѣе оборванецъ — и тоже растянулся на другой скамѣ, причемъ я замѣтилъ, что въ его багажѣ былъ топоръ. Конечно, топоръ прежде всего рабочій инструментъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ орудіе убійства; но тѣмъ не менѣе у меня сонъ прошелъ, хотя я продолжалъ лежать неподвижно. Черезъ нѣсколько времени, молодой человѣкъ всталъ и ушелъ, произнеся слѣдующія странныя слова: „Les mariniens font quelquefois de bons coups, mais ils sont bien malheureux“... Былъ въ Аваллонѣ, осматривалъ обитаемый, но

показываемый туристамъ замокъ Chastellux, и наконецъ пришелъ въ Везелэ, гдѣ св. Бернардъ проповѣдывалъ второй крестовый походъ и гдѣ меня интересовала реставрированная, непомято большая по теперешнему населенію церковь, при которой въ то время существовала какая-то іезуитская община. Одинъ изъ тамошнихъ аббатовъ любезно мнѣ все показывалъ и объяснялъ, причемъ въ ризницѣ предъявилъ множество самыхъ сомнительныхъ реликвій. Съ болѣе возвышенныхъ точекъ этой части Морвана открывается необозримое лѣсное пространство. Рѣшительно ничего не видно, кромѣ густого, преимущественно дубоваго лѣса, точно въ необитаемой странѣ.

Пространствовавъ такимъ образомъ съ недѣлю, я сѣлъ въ поѣздъ и прибылъ на родину трюфель, въ Перигё, откуда проѣхалъ часть пути въ омнибусѣ, а затѣмъ опять пѣшкомъ, безъ дороги, жалкими дубовыми перелѣсками, и явился въ замокъ Жоръ (Jaure) къ моимъ роднымъ.

Въ концѣ октября я возвратился въ Петербургъ и вскорѣ потомъ отправился въ Тверь, гдѣ были кое-какія знакомства, съ тѣмъ, чтобы при ихъ помощи получить мѣсто по земству. Меня согласились назначить страховымъ агентомъ по Весьегонскому уѣзду, и я уже успѣлъ ознакомиться съ правилами и матеріаломъ, и готовился къ отъѣзду, когда, едва-ли не въ самый день, когда состоялся журналъ о моемъ опредѣленіи, я былъ вызванъ адмираломъ Чихачовымъ въ Петербургъ, гдѣ онъ предложилъ мнѣ служить подъ его начальствомъ по морскому вѣдомству.

На службѣ по этому вѣдомству я состоялъ двадцать-два года, до 1906-го года.

В. ОБРУЧЕВЪ.

